

СТАТУС
ИЗГОЙ

РАНГ
F-АНОМАЛИЯ

РЕЗОНАНС
97%

УРОВЕНЬ ДОПУСКА
НЕДОСТАТОЧНЫЙ

ИЛЬЯ КАЛИНИН

АКАДЕМИЯ
ВЫСШИХ РОДОВ

МАГИЯ
ТРЕБУЕТ
ЦЕНУ

РАНГ F

НАСЛЕДНИК ПЕПЛА

КОРОСТЫАЕВЫ
ДОМЕН АКТИВИРОВАН
РАДИУС 500М

ТОМ I

18+

СИСТЕМА
ДИНАСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС

18+

Илья Калинин

Ранг F: Наследник Пепла

«Автор»

2026

Калинин И.

Ранг F: Наследник Пепла / И. Калинин — «Автор», 2026

В прошлой жизни я увольнял людей сотнями, опираясь на холодные графики и расчеты. Я строил идеальные системы. Теперь система решила надо мной подшутить. После смерти я очнулся в теле Ильи Коростылева — последнего наследника выжженного дотла аристократического Дома. У меня полуразрушенный особняк, миллионные долги перед Имперским банком и клеймо изгоя. На официальном камне пробуждения я выбил мусорный ранг «F-Аномалия». Элита Имперской академии уже списала меня со счетов. Преподаватели хотят меня отчислить, а соседи — убить, чтобы забрать оставшуюся землю. Они думают, что я слаб, потому что у меня почти нет маны. Но древняя печать в моей крови скрывает интерфейс Резонанса. Я не собираюсь бить их молниями или размахивать мечом. Я аналитик. Я вскрою их психологические барьеры, просчитаю уязвимые места в их магии и заставлю их паранойю работать на меня. Империя любит играть по правилам? Отлично. Я покажу им, как эти правила нарушать.

© Калинин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Искры и пепел	5
Глава 2. Агрессивное поглощение	13
Глава 3. Фантомные ожоги и ржавые цепи	19
Глава 4. Синергия	25
Глава 5. Скрытые активы и дивиденды симбиоза	32
Глава 6. Слияние и поглощение	38
Глава 7. Испытание на прочность	46
Глава 8. Теневые сделки и право сильного	52
Глава 9. Точка кипения и фактор внешнего вмешательства	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ранг F: Наследник Пепла

Глава 1. Искры и пепел

Илья Коростылёв

Сдохнуть прямо на рабочем месте. Звучит как завязка для скверного, совершенно несмешного анекдота про заядлых трудоголиков.

В популярных книжках и фильмах смерть всегда обставляют с изрядной долей помпы. Главный герой обязательно видит ослепительный белый свет, бесконечный светящийся тоннель, слышит стройное пение ангелов или, на худой конец, тёплые голоса давно ушедших родственников. На деле же жёсткая реальность оказалась до обидного банальной, пресной и серой.

Вместо ангелов была только душная, кондиционируемая переговорка на девяностом этаже башни в «Москва-Сити». Размытые, падающие вниз графики продаж на огромной плазменной панели. Чьи-то шевелящиеся в панике губы коллег, не издающие ни единого звука. И внезапная, выкручивающая всё тело наизнанку вспышка острой боли под рёбрами, разорвавшая грудную клетку так, словно туда с размаху засунули раскалённый лом.

А потом пришла глухая, спасительная и всепоглощающая темнота.

Очнулся я от того, что каждый судорожный, жалкий вдох резал лёгкие так, будто мне туда щедро, от души насыпали битого стекла. Я зашёлся таким безудержным, надрывным и лающим кашлем, что едва не выплюнул прямо на грязный пол собственные внутренности. Горло горело невыносимым огнём, а во рту стоял стойкий, тошнотворный привкус вьёвшейся ржавчины и вековой пыли.

С трудом, словно преодолевая сопротивление толщи воды, разлепил тяжёлые свинцовые веки. Осмотрелся. Полумрак. В косых, тусклых лучах света, которые с огромным трудом пробивались через грязное, заляпанное окно, лениво плясали крупные пылинки. Ободренные, свисающие клочьями обои, уродливые пятна сырости на растрескавшемся потолке и жалобный, режущий слух скрип продавленного матраса подо мной.

Блеск. Просто шикарно. Вчера ты успешный антикризисный директор с семизначным долларовым счётом, элитной квартирой и машиной бизнес-класса, а сегодня валяешься в натуральной, откровенной бомжатне.

Голова раскалывалась так, словно по черепу методично, с расстановкой прошлись тяжёлой строительной кувалдой. И было от чего. Чужая память, вскрыв ментальные шлюзы, хлестала по моим взрослым, циничным мозгам, как вода из сорванного гидранта. Обрывки ярких картинок, липкие детские страхи, чужие, незнакомые мне эмоции смешались в безумный калейдоскоп.

Илья Александрович Коростылёв. девятнадцать лет. Сирота без вариантов. Последний и единственный наследник некогда великого княжеского рода, от которого в сухом остатке уцелела лишь осыпающаяся халупа на самых задворках столицы да конский, совершенно неподъёмный долг перед имперским госбанком.

Мой предшественник просто не вывез прессинга кредиторов и травли, тихо отключившись во сне. И только взгляд в зеркале остался моим. Холодный, сканирующий взгляд человека, привыкшего дотошно оценивать риски и жрать конкурентов.

— Баланс в глубоком минусе, Илья Александрович, — сухо прохрипел я, пробуя новый голос. В горле саднило от сухого воздуха. — Но банкротиться мы не будем.

Мир за мутным стеклом окна предстал альтернативной Российской Империей. Местом, где в семнадцатом веке небеса в прямом смысле слова треснули по швам, и на землю хлынул Астрал. Эфир ломал законы физики через колено, а те, кто смог переварить его и удержать в своей крови, мутировали в местную элиту. Так их и стали именовать Великими Домами. Здесь

правили исключительно кровь, ранг и чистая, концентрированная мана. Активы, по которым у Коростылёвых зиял абсолютный, эталонный ноль.

В прошлой жизни я привык убивать людей цифрами. Тихо, без криков, без лишней крови — просто удаляя ненужные строки в финальных квартальных отчётах или безжалостно закрывая целые убыточные филиалы. И знаете что? Ни разу внутри ничего не ёкнуло.

Когда ты годами, запершись в стеклянной переговорке, по двенадцать часов в сутки вглядываешься в бесконечные таблицы, живые лица за ними стираются. Люди превращаются в безликие метрики, в сухой баланс расходов и доходов. Какое-то крупное подразделение начало жрать бюджет без видимого профита? Вердикт выносится за долю секунды — пускаем под нож.

Вместо совести у меня в груди ровно и бездушно пульсировал KPI. Я был чертовски хорош в своём деле: идеальный антикризисный управляющий, хладнокровный корпоративный мясник.

Мой последний кейс можно смело вносить в учебники по жёсткому менеджменту: полная, тотальная зачистка огромного, неповоротливого логистического хаба, который мёртвым грузом тянул компанию на дно. Тогда за борт одним махом, по росчерку моего пера, вылетело триста сорок человек.

Один из них, бывший начальник смены по фамилии Воронов, обременённый глухой бетонной ипотекой и тремя спиногрызами, спустя неделю молча открыл окно на девятом этаже и просто шагнул в пустоту. Без соплей, запасных вариантов и дурацких предсмертных записок.

Эту утреннюю новость я буднично переварил вместе с чашкой крепкого эспresso. Смерть какого-то там Воронова казалась мне всего лишь мелким багом, незначительной статистической погрешностью, которая никак не влияла на отлично работающую систему.

А здесь... Здесь погрешностью стал я сам.

Я с отвращением скинул с себя колючее, воняющее нафталином одеяло. Спустил босые ноги на ледяной дощатый пол. Мой предшественник, щуплый и забитый паренёк, сломался под гнётом обстоятельств. Сдался. Просто закрыл глаза и сбежал от проблем, любезно уступив своё место мне.

Что ж, спасибо и на этом. Я слишком долго и упорно пахал в прошлой жизни, зубами выгрызая себе место под солнцем, чтобы взять и так легко сдать в этой.

Я подошёл к растрескавшемуся шкафу, дверца которого уныло висела на одной петле. Внутри нашёлся застиранный, выцветший форменный сюртук. Ни клановых нашивок, ни золотых нитей, указывающих на высокий статус носителя. Стандартная, серая униформа изгоя.

Сегодня этот жалкий пепел старого величия моего рода должны были официально и прилюдно развеять на Церемонии Пробуждения. Бежать и прятаться? Смешно. Без местного диплома Академии Высших Родов я вылечу на социальное дно со скоростью звука, напрямую на каторгу или в какие-нибудь урановые шахты.

Так что мы едем на смотр. Будем получать по морде и лично оценивать новый, дикий рынок.

Я натянул жёсткий суконный сюртук, одёрнул коротковатые рукава и вышел на улицу.

Город встретил меня какофонией оглушающих звуков и резких запахов. Поездка в гремющем эфирном трамвае до Академии заняла около сорока минут, и за это время я успел насмотреться на местный колорит сполна.

Столица давила своей громоздкой, тяжёлой готикой. Здания из тёмного кирпича словно намертво срослись с толстыми медными трубами и светящимися, пульсирующими эфирными кабелями. По улицам с лязгом громыхали монструозные механизмы, работающие на астральных кристаллах, а над шпилями высоких крыш лениво проплывали огромные тяжелобронированные дирижабли. Их борта были щедро украшены вычурными гербами правящей династии, сияющими в лучах утреннего солнца, как клыки сытых хищников.

Воздух здесь в прямом смысле искрил от разлитой повсюду магии. Он пах озоном, горячим металлом и чем-то неуловимо сладким — запахом чистой, первобытной силы.

Массивная, выстроенная из тёмного, отшлифованного камня Академия эфирных искусств встретила меня давящей аурой элитного инкубатора для будущих министров и инквизиторов. Шесть мрачных каменных башен возвышались за высокой чёрной стеной, отбрасывая длинные тени на мощёный двор. Я уверенно шагнул в толпу студентов.

Всюду сновали напыщенные мажоры в дорогих, сшитых на заказ мундирах. Густой запах элитного парфюма смешивался с агрессивными феромонами молодняка. Профессиональная деформация сработала мгновенно: оказавшись в густом потоке людей, мозг на автомате запустил фоновую сортировку целей и угроз.

Вон тот бугай, что бесцеремонно расталкивает всех плечами в своём агрессивно-красном плаще — Григорий Багратин. Настоящий шкаф два на два метра, плечами задевает косяки, гонора хватит на семерых. Сборище фанатов первобытной животной силы. Истинный альфа-самец этого инкубатора. Но если присмотреться повнимательнее — при каждом тяжёлом шаге он едва заметно тянет правую ногу. Старая, плохо залеченная травма колена? Отлично. Запомним на будущее. Временная силовая угроза, но с явным конструктивным дефектом.

Левее, в звенящем от напряжения невидимом пузыре из пафоса и отчуждения, плыли сине-серебристые цвета Великого Дома Вяземских. Местная элита из элит, топ-менеджмент пищевой цепи. И вся толпа вокруг пялилась исключительно на девчонку в самом их центре.

София. Ледяная княжна.

Холодные серебристые волосы, точёная фигурка, плотно затянутая в строгую форму. Фарфоровое кукольное личико идеальных пропорций и абсолютно пугающий, звенящий вакуум в прозрачных глазах. Мои новые девятнадцатилетние гормоны тут же дали о себе знать, впрыснув в кровь горячую порцию адреналина.

Но стоило присмотреться чуть внимательнее, откинув животные инстинкты, и идеальный морок трескался по швам. Смотрю на неё и вижу не надменную аристократку, а нестабильный криогенный реактор. Вокруг неё в прямом смысле слова замерзал воздух. Температура рядом с ней проседала градусов на пять, изо рта при дыхании вырывался лёгкий белёсый пар.

Она вышагивала ровно, с гордо вздёрнутым подбородком, но её белые тонкие пальцы вцепились в край плаща мёртвой хваткой. Костяшки побелели от напряжения. Она же промерзает изнутри. Весь этот хваленый аристократический контроль держится на одном честном слове и диком, разрушающем напряжении воли. Одно неверное движение, один лишний шаг — и собственная магия просто порвёт ей сердце на куски льда. Девочка неминуемо сломается под собственным весом, если грамотно не подставить ей плечо. Жаль. Красивый, высоколиквидный актив. Ей нужен контроль, и я смогу его дать.

В густой тени мраморных колонн беззвучно скользили серые мундиры. Дом Черновых — потомственные безопасники, ну и клановые киллеры по совместительству. Взглядом на какую-то долю секунды я зацепился за Алину, миниатюрную, гибкую брюнетку. Отвращения на её лице при виде меня не было. Вместо этого она с гипнотической, змеиной грацией принялась поправлять на руке чёрную шёлковую перчатку. Палец за пальцем. Движения профи, который только что заметил интересную, пусть и жалкую, цель. Чистый профессиональный интерес хищника к добыче. Берём на карандаш.

Я отвернулся первым. Дразнить местных акул, имея в арсенале один лишь голый цинизм — тактика для полных идиотов.

Парадом командовал куратор боевиков Бекетов. Высокий, седой ставленник Багратионовых в застёгнутом на все пуговицы френче. Он ненавидел мой род до искреннего зубного скрежета — когда-то давно его отец схлестнулся с моим дедом и благополучно уехал на тот свет. Теперь заслуженный педагог отыгрывался на слабом подростке. Классика жанра.

Я молча поднялся и занял место на самой галёрке, среди таких же бесстатусных нулей. Церемония представляла собой примитивную ярмарку тщеславия. Алгоритм прост: студент спускается, кладёт руку на камень. Магия в крови замыкает невидимую цепь, монолит выплёвывает голограмму с результатами.

— Оболенская, Варвара! — рявкнул усиленный кубом голос Бекетова.

Вниз, отчаянно путаясь в собственных ногах и подоле юбки, слетела мелкая русая девчонка из окончательно обедневшего рода. Её колотило с такой силой, что вибрацию можно было разглядеть даже отсюда, с галёрки. Она судорожно вцепилась в камень, глаза зажмурила. Монолит с натугой выдал тусклую, желтоватую вспышку.

Ранг: D. Барьерная магия.

По амфитеатру прокатились жидкие, насквозь снисходительные хлопки. Пунцовая, как варёный рак, студентка пулей метнулась обратно на своё место. Заикается при людях, барьера хватает на жалкие десять секунд. Страдает жёсткими паническими атаками. Официально забракована местной безжалостной системой. Очередная бракованная шестерёнка. Но для моих целей она выглядела как идеальный, бесконечно преданный щит — нужно только ювелирно вырезать из её психики этот мешающий животный страх.

Дальше двинулись мажоры. Багратин небрежно приложил свою широкую ладонь к чёрному камню и ожидаемо выбил А-ранг: кинетика, резерв под 89–94%. Зал предсказуемо взвыл от восторга, приветствуя силу и влияние.

Потом пошла Вяземская. Она даже тонкую шёлковую перчатку стягивать не соизволила. Едва её изящные пальцы коснулись чёрной грани, огромный монолит мгновенно, с громким хрустом зарос толстой коркой непрозрачного льда. Снова А-ранг. Абсолютный холод, резерв 94%. Народ аплодировал ей стоя, в какой-то наглухо промёрзшей, пугающе почтительной тишине.

Здесьняя Империя фанатично молилась на сырую, первобытную ману. Её здесь жрали мегатоннами. А я сидел на обшарпанной деревянной скамье и методично конвертировал их хваленую магию в сухие экселевские колонки. Боевой потенциал. Социальный вес. Рыночная ликвидность. Опасные, безумно дорогие активы. Но в сухом остатке — всего лишь удобные инструменты. А любым инструментом нужно уметь правильно пользоваться.

— Илья Александрович Коростылёв, ваша очередь! — голос Бекетова рубанул по перепонкам, многократно усиленный акустикой зала.

Сотни глоток заткнулись моментально, будто кто-то выдернул силовой кабель из розетки. Повисла густая, звенящая тишина — хоть топором её руби. И все эти сотни оценивающих, презрительных взглядов разом скрестились на мне. Элита хотела своими глазами посмотреть, как официально подохнет старый род. Шоу начиналось.

Лицо — бетон. Абсолютный ноль эмоций. Семьдесят четыре мраморные ступени вниз. Мои тихие шаги отдавались гулким эхом в абсолютной тишине, а давление чужих глазниц прямо физически считывалось кожей.

Когда я проходил мимо средних рядов, кто-то из свиты Багратиных грубо, специально толкнул меня плечом в спину. Я едва не полетел со ступеней, но в последний момент поймал баланс. На галёрке кто-то прыснул.

— Смотри, не расплячься там, князь! — прилетел в спину вальяжный басок самого Григория. — Эфир трусов не сильно жалует. А нищих так и подавно.

Смешки волной поползли по рядам амфитеатра. Я остановился. Медленно повернул голову и посмотрел прямо на него. Абсолютно пустым, мёртвым взглядом человека, который в прошлой жизни списывал таких, как он, тысячами. Без соплей и жалости. Ухмылка на лице здоровяка на секунду дрогнула, басок затих. Я отвернулся и молча продолжил свой спуск. Оттаиваться на подобные дешёвые провокации — значит признавать их значимость. Оставим без комментариев.

— Руку на плиту, Коростылёв, — процедил Бекетов, глядя на меня как на вонючую грязь на подошве.

Я спокойно шагнул к Астральному монолиту, выдохнул и припечатал бледную ладонь к холодной, шероховатой поверхности камня.

И в этот же миг меня буквально прошибло током.

Словно по моим тонким венам пустили жидкий огонь под невероятным давлением. Сердце рвануло в груди так, что затрещали рёбра. Никакого холодного, отстранённого расчёта из прошлой жизни — только чистый, первобытный, сносящий крышу адреналин! Что-то огромное, древнее, спавшее в этой крови долгими веками в генетическом анабиозе, вдруг проснулось, взвилось на дыбы и с рёвом ударило прямо в сканирующий камень.

Перед глазами ослепительно вспыхнули багровые, переливающиеся строчки. Не как дурацкое голографическое меню в дешёвой видеоигре, а прямо в сознании, сливаясь с визуальным фоном и пульсируя в такт с моим бешеным пульсом:

[СИСТЕМНЫЙ СБОЙ. ОБНАРУЖЕН КОНФЛИКТ ЭНЕРГИЙ]

[ДИНАСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС РЕЗОНАНСА: АКТИВИРОВАН]

[СТАТУС ПЕЧАТИ: 99,9% ЗАБЛОКИРОВАНО]

[ВНЕШНИЙ РАНГ: F \ ИСТИННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: EX]

[МЕХАНИКА: ЭМПАТИЧЕСКИ-ТЕЛЕСНЫЙ ВЗЛОМ]

[СЛОТЫ СВЯЗЕЙ: 1 (ВАКАНТНО)]

[ЭФФЕКТ: ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ЭФИРНЫЙ ОБМЕН. СТАБИЛИЗАЦИЯ ЦЕЛИ В ОБМЕН НА ЕЁ МАНУ ЧЕРЕЗ ТАКТИЛЬНЫЙ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТАКТ.]

[РИСК: ОСТРАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭФИРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ.]

Твою ж мать.

Я быстро, жадно пробежался глазами по логам. Мой пульс окончательно пришёл в норму, уступив место холодному, расчётливому азарту. Выходит, ни чёрта Первый Патриарх свою хваленую магию не профукал. Он её просто мутировал. Эволюционировал. Превратил весь мой род в ментальных инкубов, надёжно запаковав древний механизм симбиоза глубоко в интерфейс — до прихода грамотного управленца. Того, кто тупо махать кулаками и кидаться огненными шарами не станет, а начнёт привязывать к себе чужую силу. Будет методично, расчётливо плести сети из чужих слабостей и зависимостей.

Магический выход один процент? Мусорный ранг F? Ну-ну. На кой-чёрт мне вообще сдалась эта личная мана, если система позволяет мне в буквальном смысле выкачивать её из других через прикосновения? Плотно подсаживая всю эту заносчивую элиту на свой уникальный резонанс, как на тяжёлую, неизлечимую наркоту.

Интерфейс послушно свернулся и погас. Лишь лёгкое, почти зудящее покалывание осталось в кончиках моих пальцев. Оно настойчиво требовало выхода. Требовало контакта.

А тем временем чёрный монолит слабо мигнул, пошёл мелкими трещинами по всей поверхности и выдал в воздух жалкую, тусклую надпись: Ранг F. 1%.

Амфитеатр взорвался гомерическим хохотом. Аристократы с первых рядов ржали в голос, тыча в меня унизанными перстнями пальцами и утирая слёзы. Нижние дома давились от хихиканья.

А я стоял у постамента, выпрямив спину, и просто улыбался им в ответ своей самой широкой, хищной и искренней улыбкой. Смейтесь-смейтесь, идиоты. Считаете меня программной ошибкой? Замечательно. Больше всего в бизнесе я обожаю расклады, при которых конкурент фатально не понимает, по каким правилам я собираюсь его жрать. Вы сейчас потешаетесь над пустой бензоколонкой, совершенно не понимая, что я — уже зажжённая спичка, брошенная в огромную лужу бензина.

— Вы позорите своих предков, Коростылёв! — с нескрываемым торжеством в голосе припечатал Бекетов, чуть ли не брызгая слюной. — Освободите помост!

Я медленно, с ледяной расстановкой оторвал руку от камня. Обвёл смеющийся зал горящим, азартным взглядом. Встретился с прозрачными, расширенными от удивления глазами Софии Вяземской, которая единственная в этом огромном зале не смеялась. Я откровенно и нагло подмигнул ей.

Развернулся на каблуках. Чёткий шаг к выходу. Ещё один. Мрамор приятно охлаждал подошвы. Да, мне ещё предстоит разгрести горы чужих долгов и уворачиваться от летящих в спину ножей. Но свой стартовый капитал я уже получил.

Когда мои пальцы уже уверенно легли на холодную медную ручку тяжёлой двустворчатой двери, за спиной раздался оглушительный, сухой треск, поразительно похожий на пистолетный выстрел. Огромный зал испуганно ахнул, подавшись назад. Смех оборвался в один момент, как по щелчку выключателя.

Оборачиваться я не стал. Не в моих правилах смотреть на произведённый спецэффект. Лишь краем глаза, в идеальном отражении полированной бронзы дверей, я успел мазнуть взглядом: прямо над расколотым чёрным камнем на одну короткую долю секунды вспыхнула гигантская, пылающая багровая голограмма.

Расколотый щит. И две сковывающие его цепи. Древний герб моего павшего Дома.

Он провисел в наэлектризованном воздухе какое-то неуловимое мгновение и просто осыпался вниз серым, мёртвым пеплом. Но эффекта хватило с лихвой. Лицо куратора Бекетова стало белее мела, и он просто выронил свой накрахмаленный белоснежный платок. Алина Чернова так и застыла с недотянутой перчаткой, в её глазах мелькнул откровенный, первобытный страх. Ну а ледяная княжна непроизвольно подалась вперёд, ломая свою безупречную осанку.

Я навалился плечом на тяжёлые дубовые двери и вышел в прохладный коридор Академии, залитый лучами весеннего солнца. Они считают меня системной ошибкой. Отлично. Ошибки, как известно, умеют жёстко исправлять чужие правила игры. Держитесь покрепче за свои дутые статусы, господа аристократы. Ну и за своих женщин тоже держитесь.

София Вяземская

Тяжёлый, глухой стук закрывшихся массивных дубовых дверей громким эхом прокатился под высокими сводами зала. Для подавляющего большинства собравшихся здесь он стал просто финальной, жирной точкой затянувшегося позора очередного мусорного рода. Но для Софии Вяземской этот звук отдался странной, пугающей пульсацией где-то глубоко под рёбрами.

София не дышала.

Воздух в огромном церемониальном зале вдруг показался ей невыносимо тяжёлым, спёртым и душным. Пространство вокруг её кресла давно покрылось тонким, хрустящим слоем инея. Иней медленно, словно живой, прожорливый организм, полз по мраморным ступеням трибун всё ниже и ниже.

Она привыкла к этому постоянному дискомфорту. Холод был с ней всегда, сколько она себя помнила. Это был не просто красивый магический дар, о котором так завистливо шептались за её спиной подруги. Это было медленное, неотвратимое, методичное проклятие. София привыкла быть живой, ходячей криокамерой, опасной аномалией А-ранга, которой все вокруг восхищались и которую тайно, до дрожи в коленях, боялись.

Они стоя хлопали её сырой, нестабильной силе. Они совершенно не понимали, что каждый крупный выброс её «Абсолютного холода» медленно убивал её саму. Чудовищная, необузданная магия методично, каплей за каплей замораживала её нервную систему. Высушивала любые живые человеческие эмоции, шаг за шагом превращая бьющееся девичье сердце в кусок мутного, безжизненного льда.

Отец, жёсткий и амбициозный Патриарх Дома, всегда строго учил её. Он вбивал это правило ей в подкорку при каждом удобном случае:

— Эмоции — это уязвимость для слабаков, София. Слабость, абсолютно недопустимая для нашей элиты. Ты — будущее лицо нашего Дома. Ты не должна чувствовать, ты должна соответствовать. Будь идеальной, безупречной льдиной.

И она была обязана быть идеальной. Идеальное, послушное, красивое оружие в сильных руках семьи.

Но сейчас, когда она неотрывно смотрела на пустые деревянные двери, за которыми только что скрылся Коростылёв, её безупречно выстроенная картина мира дала глубокую сквозную трещину.

Очередной F-ранг. Мусор под ногами элиты. Ошибка природы, над которой прямо сейчас открыто смеялась вся Академия.

Но... почему он так идёт? Почему у него вдруг стала такая пугающе прямая, уверенная спина?

А потом, на самой середине лестницы, он обернулся на обидный окрик Багратина. Их взгляды случайно встретились. И в его тёмных, глубоких глазах не было ни капли страха. Никакой привычной покорности загнанной жертвы. Там плясал жаркий, сумасшедший, совершенно мужской огонь. Огонь взрослого человека, который точно знает, чего он хочет от этого мира.

И он... подмигнул ей!

Ей, Ледяной княжне, наследнице Великого Дома! К ней все парни в Академии боялись подойти ближе чем на три метра, всерьёз опасаясь обморожения! От такой немыслимой наглости София растерялась и даже забыла, как правильно дышать.

А потом над чёрным монолитом с громким сухим треском вспыхнул древний багровый герб.

В этот самый миг грудную клетку Софии словно прошило насквозь невидимым раскалённым копьём. Там, где долгими годами лежал мёртвый, сковывающий дыхание лёд, вдруг ярко вспыхнула искра. Искра настоящая. Живая. Безумно, невыносимо обжигающая.

Это ударило по натянутым нервам так резко и непривычно, что София судорожно, со всхлипом выдохнула. Её тонкие пальцы до громкого хруста впились в деревянные подлокотники кресла. Волна дразнящего, дикого, первобытного тепла прокатилась по промёрзшим насквозь венам. Кровь буквально вскипела, мощно сметая на своём пути ледяные тромбы. Сердце, наконец-то сбросившее тяжёлый ледяной панцирь на какую-то жалкую секунду, забило так быстро и сильно, что стало физически больно. На всегда бледных, фарфоровых щеках вспыхнул яркий, непривычный румянец.

Ей до одури, до потемнения в глазах захотелось сорвать с себя этот тяжёлый, сковывающий движения форменный плащ. Вскочить с места, сбежать по гладким мраморным ступеням вниз и просто прижаться к нему. Впитать это ненормальное, запретное тепло. Выпить его до последней капли жадными глотками, чтобы растопить проклятый лёд внутри до самого основания.

Но спасительная искра безжалостно погасла в ту самую секунду, когда тяжёлые дубовые двери за спиной Коростылёва глухо захлопнулись.

Её собственный, родной лёд, почуяв минутную слабость жертвы, тут же впились во внутренности с удвоенной, безжалостной яростью. Он жестоко наказывал непокорное тело. Воздух в лёгких мгновенно заledenел, причиняя мучительную боль. Софию крупно, некрасиво затрясло. Дыхание сбилось, превратившись в жалкие, прерывистые хрипы.

Это была самая настоящая, жестокая физиологическая ломка. Её замерзающее тело, истощённое постоянным магическим обморожением, впервые за долгие годы забило тревогу на уровне базовых физиологических инстинктов. Оно кричало во весь голос, корчась в невидимой агонии, и отчаянно требовало вернуть спасительную дозу тепла. Грёбанный лёд пожирал её заживо, и прямо сейчас ей физически требовался источник этого первобытного, багрового огня.

Она сидела идеально прямо, невидяще глядя на закрытые двери расширенными, потемневшими от боли зрачками. Вокруг неё всё ещё смеялся довольный Багратин. Суетился и что-то кричал побледневший Бекетов. Но София их совершенно не слышала. Весь этот шумный зал перестал для неё существовать.

К чёрту строгие наставления жестокого отца. К чёрту все эти клановые приличия, гордость и высокие статусы. Если этот сумасшедший, наглый парень с синяками под глазами — единственный человек во всей огромной Империи, кто может её по-настоящему согреть и не дать ей умереть в ледяной тюрьме... она найдёт его. Чего бы ей это ни стоило.

Глава 2. Агрессивное поглощение

София Вяземская

Она выскользнула из душного, провонявшего озоном и чужим липким страхом церемониального зала почти сразу за ним.

Впервые в своей идеально выверенной, расписанной по минутам и строгим правилам жизни София Вяземская действовала не по жёсткому протоколу Великого Дома, а подчиняясь голым, пульсирующим животным инстинктам. Это пугало до дрожи в коленях. И будоражило так, что кружилась голова.

В пустом гулком коридоре Академии она прямо на ходу накинула на себя «Ледяную вуаль». Это была сложнейшая, энергозатратная клановая техника. Воздух вокруг её тела мгновенно выморозился, преломляя лучи света и полностью скрывая не только силуэт, но и тепловой след. Для всех немногочисленных студентов и преподавателей коридор оставался абсолютно пустым.

А она, невидимая, шла за сутулой, обтянутой дешёвым грубым сукном спиной Коростылёва, словно привязанная коротким поводком.

Зачем она это делает? Что за безумие?

Её замороженный, привыкший к безупречной ледяной логике разум истерично требовал немедленно остановиться. Развернуться. Вернуться в зал, сесть на своё законное место и с надменным лицом продолжить отыгрывать роль неприступной княжны А-ранга. Наследницы, которая даже не опускает взгляда на мусор под ногами.

Но тело... Тело предало её. Измученное годами непрерывного, болезненного магического обморожения, оно буквально изнывало, корчилось в невидимой ломке. Оно отчаянно требовало снова оказаться рядом с этим невозможным, обжигающим источником мужского тепла. Там, глубоко под рёбрами, где после его наглого взгляда вспыхнула багровая искра, теперь невыносимо, сладко зудело.

Она ехала за ним в прокуренном, дребезжащем эфирном трамвае, забившись в самый тёмный угол вагона, вдыхая запахи дешёвого табака и пота рабочих. Иней тонкой, хищной коркой покрывал стекло рядом с её напряжённым плечом.

Она бесшумной тенью скользила по покатым крышам низких кирпичных пристроек, когда он уверенно свернул в промышленные, гниющие окраины столицы. София с высоты видела, как от дешёвого, воняющего кислым пивом и мочой кабака за ним увязались трое местных боевиков.

Обычная, рутинная расправа над павшим аристократом. Завтра в газетах даже короткой строчки об этом не напишут. Менты лениво спишут очередной труп на криминал нижних уровней или нападение астральной гончей.

София замерла на самом краю крыши, глядя сверху вниз в тёмный тупик, куда трое стервятников с артефактными кастетами уверенно загоняли Коростылёва. Внутри неё ожесточённо, с кровью, боролись два противоречивых желания.

Какая-то тёмная, жестокая, воспитанная властным отцом часть её души хотела увидеть, как этот высокомерный выскочка F-ранга, посмеявшийся усмехнуться в лицо всей элите, сломается. Хотела смотреть, как он упадёт на колени в грязную лужу, будет харкать кровью, рыдать и жалко умолять пощадить его. Чтобы доказать самой себе — он ничтожество. Он не имеет над ней власти.

Но другая часть... Сама мысль о том, что эти грязные ублюдки сейчас забьют его насмерть, навсегда лишив её этого наркотического, спасительного тепла, вызвала в груди слепую, тягучую панику. От одной мысли, что его сердце остановится, Софии стало нечем дышать.

Она прикрыла глаза и собрала в правой ладони убийственный конструкт «Абсолютного холода». Морозная дымка густо окутала её тонкие пальцы. Она приготовилась ударить сверху в тот самый момент, когда он закричит от боли.

Но стоявший внизу, по щиколотку в грязи Илья Коростылёв кричать даже не собирался.

Илья Коростылёв

В моей прошлой корпоративной жизни увольнение нерентабельного сотрудника всегда было абсолютно стерильным процессом. Светлая, просторная переговорка, тихо гудящий кондиционер, сухая, выверенная юристами подпись на бумаге, мгновенная блокировка магнитной карты. Никакой лишней драмы, никакой грязи под ногтями, если не считать пары дежурных слёз эйчара.

А здесь, в суровой и не прощающей слабости реальности Астральной Империи, неликвидные активы списывали иначе. Тут предпочитали не тратиться на адвокатов, а тупо проламывать башку артефактным железом в вонючей подворотне. Дёшево и сердито.

Свой «хвост» я срисовал ещё пару кварталов назад. Точнее, сразу два хвоста.

Первый — трое неуклюжих шестёрок, чьи стоптанные, дешёвые ботинки слишком громко и неритмично шлёпали по лужам мазута.

Второй — куда более интересный, элитный. Градусник на уличных столбах предательски падал на пару делений ровно в тот момент, когда я проходил мимо. Моя личная ходячая криокамера из Академии заглотила наживку даже быстрее, чем я рассчитывал. Идёт по крышам, наивно думая, что её не видно.

Отлично. Значит, проведём презентацию моих возможностей прямо сейчас, в полевых условиях.

Вжавшись спиной в шершавую, влажную кирпичную стену глухого переулка, я холодно, с математическим равнодушием смотрел на троих надвигающихся ублюдков. У самого здорового бугая на предплечье мерцал дешёвый кинетический щит Е-ранга. Второй, тощий, как жердь, игрался кустарным выкидным ножом, лезвие которого мгновенно покрылось кусачей изморозью. Элементалист-недоучка.

Тратить драгоценный кислород и время на истерику перед списанным криминальным мусором — непозволительное расточительство.

Активация.

[Синхронизация среды... Выполнено.]

[Эфирный резерв: 1%. Доступна только пассивная аналитика.]

Багровая, пульсирующая в такт моему разогнанному сердцу сетка координат мягко легла на грязный асфальт прямо перед глазами. Векторы движения, масса тел, углы атаки, процент скольжения дешёвых подошв по разлитому мазуту. Всё как на ладони. Никакой атакующей магии, никаких файерболов — только сухая, абсолютная математика и геометрия смерти.

— Говорят, Дом Коростылёвых сегодня официально обнулился, — прохрипел тощий, поигрывая ножом и делая вальяжный шаг вперёд. — Мы тут чисто помочь с бумажками. Закрывать счёт, так сказать.

Когда ледяной клинок со свистом пошёл в широкий, слишком очевидный дилетантский замах, метя мне точно в сонную артерию, я не стал ставить блок хрупкими костями подростка. Я просто качнулся влево. Ровно на двенадцать сантиметров. Минимальное усилие для максимального результата.

Инерция предсказуемо утянула наёмника вперёд. Нож с хрустом впечатался в кирпичную кладку, выбив облачко красной пыли, а я, не меняя выражения лица, выдал математически выверенный, короткий тычок жёстким мыском ботинка точно в боковую проекцию его опорного колена.

Хрясь.

Сустав подломился с тошнотворным звуком. Туша с истошным, режущим уши воем рухнула на скользкий мазут, наглухо перекрыв узкий проход своим бьющимся в агонии телом.

Второй, ослеплённый внезапной яростью, не думая, прыгнул на меня с тяжёлым артефактным кастетом прямо из-за спины падающего товарища. Я резко ушёл вниз, почти скользнув плечом по стене. Не успев оттормозиться на разлитом масле, он со всего маху, с чудовищной инерцией влетел в своего же напарника. Раздался влажный хруст рвущегося мяса — усиленный кастет проломил ключицу элементалисту. Вопли стали в два раза громче.

Остался третий. Здоровяк. Он глухо зарычал, осознав, что двое уже лежат, и вскинул волосатую руку со щитом. Воздух в переулке уплотнился, резко запахло палёной изоляцией.

[Угроза: Кинетический импульс. Ранг: E. Траектория: прямолинейная.]

Я подхватил с земли ржавую, тяжёлую водосточную трубу. Швырять её прямо в мерцающий барьер было самоубийством — откинет прямо мне в лоб, проломив череп. Я коротко размахнулся и швырнул кусок железа точно в нижний край его щита. Под углом ровно сорок пять градусов, как подсказывал багровый вектор.

Дешёвый фонащий артефакт с чёрного рынка тупо не смог просчитать сложный вектор углового отражения. Кинетическая волна сдетонировала рикошетом и с оглушительным рёвом вдарила в переполненный металлический мусорный бак справа от бугая. Двухсоткилограммовая ржавая дура с грохотом отлетела здоровяку точно под колени.

Бугай споткнулся, взмахнул руками. Глухой, влажный стук затылка о выступающую брусчатку — и он обмяк, закатив глаза.

Пять секунд. Ни капли магии. Голая физика, кинематика и безупречное управление рисками.

Я неторопливо, безразлично отряхнул грязный сюртук. Скучно.

И тут боковым зрением уловил резкое, смазанное движение.

Элементалист со сломанной ключицей, лёжа в луже собственной крови и давясь розовой пеной, дрожащей рукой вытянул из-за пазухи кустарный разрывной артефакт. Граната. Он рванул чеку окровавленными зубами, глядя на меня с абсолютно безумной, предсмертной ненавистью.

Дистанция — два метра. Уйти из зоны поражения я физически не успевал.

И в этот самый миг температура в каменном мешке переулка мгновенно, за долю секунды рухнула до абсолютного нуля.

С крыши, разметнув полы серебряного плаща, словно мстительный ангел, спрыгнула София. Ослепительная, режущая глаза вспышка бледно-голубого света ударила по сетчатке. Раздался долгий, вибрирующий хрустальный гул, и ублюдка с гранатой вместе с половиной переулка за миллисекунду заковало в цельную глыбу непробиваемого, искрящегося монолитного льда. Температура упала так стремительно и жестоко, что асфальт под моими ботинками пошёл глубокими, стреляющими трещинами.

Угроза была ликвидирована. Но моя идеальная презентация пошла не по бизнес-плану.

София, едва коснувшись земли, тяжело, с хриплым сдавленным стоном оперлась о кирпичную стену. Её всю колотило так, что стучали зубы. Тонкая, хищная корка белого инея начала стремительно, прямо на глазах расплзаться от её обнажённых ладоней вверх по рукам, жестоко вгрызаясь в бледную кожу шеи и неумолимо ползя к щекам.

Слишком долгий контроль невидимости, помноженный на этот резкий, панический, неконтролируемый выброс силы ради спасения моей шкуры, сорвали её внутреннюю резьбу окончательно. Собственная колоссальная магия прямо сейчас заживо пожирала её нервную систему, превращая живую девочку в красивую ледяную статую.

[ВНИМАНИЕ! Критический сбой магии цели: София Вяземская.]

[ОПАСНОСТЬ: Полная кристаллизация нервной системы через 10... 9...]

Я спокойно, чеканя шаг, вошёл в её личную, вымороженную зону. Вплотную. Лютый холод мгновенно обжёг кожу моего лица, ресницы тут же покрылись колючим инеем, дыхание перехватило.

Она вскинула на меня дикие, расфокусированные, стеклянные глаза. В них больше не было и следа хвалёной аристократической надменности Вяземских. Там плескался голый, животный, парализующий ужас высокомерной принцессы, которая впервые в жизни осознала, что прямо сейчас умирает в грязной подворотне.

— П-помоги... — это был жалкий, срывающийся, еле слышный сип. Её красивые губы посинели и мелко дрожали, по щеке скатилась и тут же замёрзла одинокая слеза.

[Слоты связей: 1 (Вакантно).]

[Инициировать принудительный Резонанс?]

«Активировать».

Я не стал церемониться, не стал нежно брать её за ручку и шептать успокаивающие глупости. Мне нужен был абсолютный, безоговорочный, доминирующий контроль над активом.

Моя правая рука жёстко, по-хозяйски легла на её тонкую, обледеневшую талию. Я властно, с силой дёрнул её на себя, притягивая дрожащее девичье тело вплотную к своему. Грудь к груди. Бедро к бедру, так, чтобы она почувствовала каждый дюйм моего тела. Ткань её дорогого плаща жалобно хрустнула. Пальцы моей левой руки бесцеремонно и грубо зарылись в её холодные шёлковые волосы на затылке, жёстко фиксируя голову и заставляя запрокинуть её, чтобы она смотрела только мне в глаза.

Багровая нить Резонанса с оглушительным, только нам двоим слышимым внутренним хрустом пробила её магическую броню.

Удар.

На меня тут же, без предупреждения, обрушилось цунами её ледяной боли. Тотальное, сводящее с ума одиночество. Сжирающий душу, липкий страх перед отцом. Отчаяние от того, что её превратили в бездушное оружие. Я стиснул челюсти до скрежета, перехватил эти истеричные эмоции своей корпоративной, циничной мёртвой хваткой и силой открыл шлюзы в обратную сторону.

Для неё это ощущалось так, словно в её насквозь промёрзшие вены, прямо в сердце, под огромным давлением пустили густой, обжигающе-горячий, кипящий сироп.

Сдавленный, произвольный, невероятно откровенный стон сорвался с её приоткрытых губ. Спина Софии выгнулась крутой дугой, отчаянно вжимаясь в мою ладонь. Моё абсолютное, холодное спокойствие и животный, первобытный, тёмный жар Резонанса мощным потоком вливались в неё, безжалостно сметая и плавя ледяные тромбы.

Это было невыносимо глубоко. Пугающе, до одури интимно. Я грубо, без стука вторгся в самую суть её дара, по-хозяйски перестраивая её эфирные потоки, насильно заставляя её магию пульсировать в жёстком, уверенном ритме моего сердца.

И тут же я почувствовал, как Система бьёт в обратную, наказывая за самонадеянность.

Я не был бесчувственной машиной, как привык о себе думать. Её колоссальная магия, её скрытая, пронзительная, отчаянная чувственность хлынули в меня, играючи сметая мои выстроенные психологические барьеры. Гормоны молодого, изголодавшегося девятнадцатилетнего тела взбесились за одну секунду. Лёд с её ауры оседал в моих лёгких, обжигая внутренности — это был жесточайший откат Системы. Оказывается, переваривать чужую боль — это не просто цифры в таблице, это физически больно.

— Дыши, — приказал я низким, хриплым, вибрирующим тоном.

Я медленно, дразняще скользнул большим пальцем по её оттаивающей, нежной скуле. Мой голос предательски дрогнул от напряжения, выдавая меня.

Её грудь судорожно, всем весом прижалась к моей. Я чувствовал, как бешено колотится её сердце.

— Вдох.

Она послушно втянула воздух, глядя на меня снизу вверх огромными, расширенными, потемневшими от желания зрачками. Аристократическая, мёртвая маска расплавилась окончательно и стекла в грязь переулка. На бледных щеках вспыхнул яркий, лихорадочный, горячий девичий румянец.

— Выдох.

Она жарко, прерывисто выдохнула мне прямо в губы. Расстояние между нами было минимальным — пара сантиметров, не больше. Я чувствовал аромат её кожи, смешанный с запахом озона. Ледяная принцесса плавилась в моих руках, как восковая свеча над костром.

Её тонкие пальцы до побеления костяшек впились в грубую ткань моего куртка на плечах, сминая её с отчаянной, первобытной женской потребностью быть ещё ближе. Слиться воедино. Она тянулась к моему теплу, неосознанно, почти бесстыдно тёрлась о мою грудь и бёдра, словно замерзающий путник, дорвавшийся до открытого огня. В её сбивчивом дыхании и полуприкрытых, влажно блестящих глазах читалась тяжёлая, одурманивающая, абсолютная зависимость.

Мой идеальный рассудочный контроль дал сквозную, зияющую трещину.

В паху тяжело, требовательно пульсировало дурное, агрессивное, тёмное возбуждение. Я вдруг остро, до гула в ушах, до боли в стиснутых зубах захотел впитаться в эти влажные, приоткрытые, манящие губы. Захотелось прижать её со всей дури к этой грязной кирпичной стене, грубо задрать тяжёлую форменную юбку Академии и взять её прямо здесь. Наплевав на всё. Разорвать её ледяную сущность и выпить эту сладкую энергию до самого дна, забирая её себе целиком.

Резонанс играл со мной злую, извращённую шутку — я заражал её своей доминирующей властью, а она в ответ сладко травила меня своей абсолютной покорностью. Ещё секунда, одно движение, и я бы сорвался. Перестал бы быть расчётливым кукловодом и сам стал бы животным на коротком поводке инстинктов, сгорая в этой связи.

[Синхронизация завершена. Династический Якорь установлен.]

[Риск: Острая биологическая и эфирная ломка при разрыве контакта.]

Собирая всю свою хваленую волю в кулак, с мясом выцарапывая остатки корпоративного цинизма со дна закипающего, одурманенного сознания, я стиснул зубы так, что во рту появился отчётливый железистый вкус крови.

И с силой, жёстко, почти с мясом, оторвал её от себя. Шаг назад.

Багровая нить связи лопнула с оглушительным, болезненным ментальным звоном.

София резко покачнулась, лишившись моей поддержки и моего огня. Её колени подогнулись, и она тяжело оперлась спиной о стену, чтобы не сползти на грязную брусчатку в лужи. Из её красивого горла вырвался тихий, рваный, полный боли стон — стон настоящей, безжалостной физической ломки. Жестокий контраст между обжигающим блаженством абсолютного подчинения и резким возвращением в холодную, одинокую, пустую реальность ударил по ней наотмашь, как удар плети.

Я стоял напротив, глубоко засунув руки в карманы брюк, чтобы она не видела, как мои пальцы мелко, предательски дрожат. В груди стоял ледяной ком магического отката, лёгкие горели огнём, а в паху всё ещё тянуло от нереализованного желания.

Она с трудом подняла на меня затуманенный, полный непролитых слёз взгляд. В нём больше не было ни капли гордости Великих Вяземских. Там была только голая, пульсирующая, отчаянная жажда. Её грудь тяжело, прерывисто вздымалась, губы припухли, порозовели и влажно блестели в тусклом свете переулка.

— Что... что ты сделал... — прошептала она, инстинктивно протягивая ко мне трясущуюся, тонкую руку. Пальцы беспомощно сжались в воздухе, пытаясь ухватить хотя бы остатки исчезнувшее тепла. — Верни... умоляю, верни.

Я сделал глубокий, незаметный вдох, пряча сбившееся дыхание и беря свои инстинкты за горло. Медленно, показательно небрежно поправил воротник куртки, заставляя своё лицо принять выражение идеального, непробиваемого равнодушия абсолютно сытого хищника.

— Вы нестабильны, София. Весь ваш хваленый контроль — дешёвая иллюзия, — мой голос звучал чуть хрипло, но размеренно и безжалостно. — Вы убрали собаку с гранатой. Я стабилизировал ваш магический срыв. Баланс сведён. Долгов нет.

Я круто развернулся и зашагал к выходу из переулочка. Намного быстрее, чем следовало бы, чтобы не сорваться и не вернуться к ней.

— Постой! — её голос сорвался, жалобным эхом отскочив от сырых, грязных стен. В нём звучала такая отчаянная, звенящая женская мольба, от которой у любого другого нормального парня дрогнуло бы сердце. — Коростылёв!

Я остановился на мгновение, замерев в шаге от освещённого проспекта, но не обернулся. Я просто не мог себе этого позволить.

— Если захотите научиться настоящему контролю... вы знаете, где меня искать, — бросил я небрежно через плечо в полумрак. — Но в следующий раз условия сделки буду диктовать я. И они вам дорого обойдутся.

Я вышел на шумный, освещённый фонарями проспект, оставив одну из самых сильных, гордых и красивых девушек Академии тяжело дышать в грязной подворотне, сгорая от невыносимой жажды моего прикосновения. Первый элитный актив был успешно взломан и подсажен на иглу.

Но, до боли сжимая в карманах дрожащие кулаки, я отчётливо понимал: это агрессивное слияние только что едва не сожрало меня самого.

Глава 3. Фантомные ожоги и ржавые цепи

Илья Коростылёв

Я гнал от этого злосчастного, провонявшего гнилым мазутом, дешёвым пойлом и свежей кровью переулка так, словно за мной по пятам гналась целая свора астральных гончих. Густые, ядовитые тени промышленных окраин смыкались за моей спиной, но бежал я не от жандармов и не от недобитых наёмников.

Я отчаянно бежал от самого себя.

Добравшись до высокой, изъеденной рыжей ржавчиной ограды своей разваливающейся родовой усадьбы, я перемахнул через неё, едва не порвав о торчащие прутья форменный сюртук. Массивная, перекошенная на одну петлю входная дверь с долгим, жалобным скрипом поддалась моим усилиям. Я с размаху захлопнул её за собой, судорожно задвинул тяжёлый железный засов и, окончательно обессилив, сполз спиной по шершавому дереву на засыпанный сухими листьями пол прихожей.

Дыхание со свистом, с надрывным хрипом вырывалось из горящих лёгких. Сердце билось в горле, ломая хрупкие рёбра подростка, и не собиралось сбавлять свой безумный, первобытный ритм.

В темноте заброшенного холла, среди разорванных гобеленов и покрытых вековой пылью люстр, я наконец-то мог позволить себе снять маску. Моя идеальная корпоративная броня — тот самый панцирь циничного управленца, который я так старательно растил в прошлой жизни, — трещала по швам. Весь холодный расчёт оказался картонной декорацией перед этой тёмной, пульсирующей магией. Она густым кипятком варилась в венах.

Я до боли сжал кулаки, впиваясь грязными ногтями в ладони, пытаюсь унять крупную предательскую дрожь. Но слабое тело меня не слушалось. В паху по-прежнему тяжело и мучительно пульсировало нерастраченное, злое возбуждение. Каждая клетка этого изголодавшегося девятнадцатилетнего организма вопила, требуя развернуться, вынести дверь к чертям, вернуться в ту подворотню и забрать девчонку. Забрать силой. Подчинить. Задрать её дорогую юбку и выпить до самого дна, выжечь её ледяную спесь своим багровым огнём.

Я закрыл глаза, до хруста стиснув челюсти, и на меня тут же обрушились пугающе осязаемые фантомные ощущения.

Я снова чувствовал податливую тяжесть её груди, отчаянно вжимающейся в меня через грубую ткань. В нос ударил сводящий с ума аромат её парфюма с лёгкими нотками горького миндаля, смешанный с запахом морозного озона и терпким мускусом разгорячённого женского тела. Перед мысленным взором вспыхнул влажный блеск её приоткрытых губ, с которых сорвался этот откровенный, сдающийся стон.

Это было не просто юношеское желание. Это была хищная, неконтролируемая жажда слияния. Мой мутировавший дар. Древняя магия рода, спавшая в генетическом коде веками, проснулась и властно потребовала пищи. Отведав на вкус чистую силу А-ранга вместе с беззащитной девичьей покорностью, магия корчилась в настоящей ломке. Ей нужна была добавка.

— Хватит... — глухо зарычал я в темноту прихожей и открыл глаза.

Заставил себя подняться на ватных ногах. Шатаюсь, цепляясь пальцами за сырые ободранные обои, я побрёл по коридору, где чудом ещё уцелел чугунный умывальник. С силой крутанул ржавый вентиль. Трубы в стене натужно застонали, выплюнув в раковину струю ледяной, рыжей от ржавчины воды.

Я сунул под неё голову, жадно хватая ртом затхлый воздух. Холод ударил по вискам, заставив кожу сжаться, и немного охладил кипящий мозг. Опираясь на края раковины, я поднял голову и уставился на своё бледное отражение в покрытом трещинами зеркале. По впалым

щекам текли ржавые капли. А на самом дне расширенных зрачков всё ещё плясал пугающий багровый огонёк интерфейса.

— Соberись, Коростылёв, — прохрипел я, стискивая края фаянса до хруста в костяшках. — Эмоции — это издержки. Это верный путь к смерти в канаве.

Вытерев мокрое лицо рукавом, я заставил себя отлепиться от раковины. Так. Перегрузка. Насущные проблемы. Ресурсы. Деньги.

Колоссальные долги рода висели на мне мёртвым грузом, но сейчас меня волновало другое — мне банально не на что было купить еды на завтра. Я огляделся в полумраке. В этом огромном, гниющем доме должно было остаться хоть что-то ценное. Что-то, что банковские ищейки упустили.

Я методично, комната за комнатой, начал обыскивать первый этаж.

В бывшем кабинете отца я отодрал кусок вздувшегося паркета там, где, судя по обрывкам памяти прошлого Ильи, когда-то стоял напольный сейф. Пусто. Только пыль и мышинный помёт. Я перерыл разоренную библиотеку, вытряхивая труху из пустых корешков книг — ни одной завалявшейся ассигнации, ни одной серебряной ложки. Кредиторы выскребли усадьбу подчистую, вплоть до медной проводки в стенах и латунных дверных ручек.

Я в ярости пнул сломанный стул, отшвырнув его к стене. Глухо. Абсолютный ноль. Мои гениальные навыки антикризисного менеджера были совершенно бесполезны без малейшего стартового капитала.

Мои злобные размышления прервал тихий шаркающий звук со стороны чёрного входа.

Я мгновенно подобрался. Инстинкты взвыли сиреной. Стараясь не наступать на скрипучие доски, я бесшумно скользнул к каменному камину и перехватил тяжёлую железную кочергу.

Дверь в конце коридора жалобно скрипнула. В полосу лунного света робко шагнула фигура. Глубокий старик в выглаженном, но заношенном до дыр пальто старого кроя. Узловатыми пальцами он нервно теребил потёртую кепку. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, вдруг озарилось слабой, искренней улыбкой.

— Ваше сиятельство... Илья Александрович, — его голос дрожал, срываясь на хрип. — Живые... Слава Астралу, живые. Я уж думал, конец нашему роду.

Моя новая память со скрипом провернула заржавевшие шестерёнки. Архип. Бывший бессменный дворецкий и завхоз. Последний верный слуга павшего Дома Коростылёвых. Когда банк наложил арест на остатки имущества, а отец прошлого Ильи пустил себе пулю в висок, Архипа просто вышвырнули за дверь. Но он, судя по всему, никуда не ушёл. Прятался поблизости, как преданный пёс.

— Архип? — я медленно вышел из тени, не опуская кочергу. — Что ты здесь забыл? Уходи. Мне нечем тебе платить. У меня нет ни гроша, банк вымел всё до последнего гвоздя, ты же в курсе.

Старик выпрямился. Его сутулые плечи расправились с неожиданным достоинством.

— Не за монеты служили, Илья Александрович. За имя. За вашу кровь, — он тяжело шагнул в прихожую. — Я слышал на рынке про Академию. Говорят, герб наш багровый над монолитом вспыхнул. Говорят, Коростылёвы вернулись...

Я жёстко, на корню обрубил его восторги. Никто не должен знать о природе моей мутации. Даже он. Тем более он.

— Слухи — это просто слухи, Архип, — мой голос прозвучал сухо и холодно. — Мало ли что там кому со страху померещилось. Никакой магии у меня нет. Мой ранг — F. Уяснил?

Старик слегка сник, но упрямо поджал губы.

— Как скажете, господин. Кровь — она не водица, характер-то дедовский всё равно прорежется, — он тепло улыбнулся. — Я тут прибрался немного в дальней малой гостиной, пока вас не было. Собрал хлам на растопку.

— Постой, — я нахмурился. — В смысле «пока меня не было»? Ты где прятался всё это время? Банк же опечатал подвалы.

— Только печати их казённые на старую, княжескую кладку не ложатся, — старик хитро прищурился. — Я вам там внизу кое-что показать хотел. Уж простите старого дурака за наглое самоуправство, но меня туда как магнитом тянуло последние дни. Будто звал кто из темноты.

Я молча кивнул, показывая, чтобы он вёл. Мы стали спускаться по узкой винтовой лестнице в самое чрево усадьбы. Крошащиеся ступени, стойкий запах въевшейся плесени и крыс. Архип зажёл чадающий эфирный фонарь. В конце длинного подвального коридора, куда явно не добирались банковские клерки, обнаружился тупик.

Но это была не просто стена. Когда Архип поднял фонарь, из мрака выступила циклопическая двустворчатая дверь. Отлитая из матового, незнакомого мне металла, она словно поглощала тусклый свет. Ни ручек, ни скважин, ни петель. И только в самом центре зияло углубление в виде расколотого щита в цепях — герба моего Дома.

Я затаил дыхание и подошёл ближе. Воздух здесь был тяжёлым, как кисель, и низко гудел от скрытой за металлом колоссальной мощи. Моя кровь отозвалась на этот гул пульсирующим толчком.

Стоило мне коснуться ледяного металла, как перед глазами полыхнула агрессивная багровая надпись интерфейса:

[ОБНАРУЖЕНО ДИНАСТИЧЕСКОЕ ХРАНИЛИЩЕ ДОМА КОРОСТЫЛЁВЫХ.][ДОСТУП ЗАБЛОКИРОВАН. АКТИВЕН ПРОТОКОЛ ЗАЩИТЫ.][ТРЕБУЕТСЯ: УРОВЕНЬ РЕЗОНАНСА 2. НЕДОСТАТОЧНО АКТИВНЫХ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (0/1).][УСЛОВИЕ: ЗАВЕРШИТЬ АГРЕССИВНОЕ СЛИЯНИЕ И ЗАКРЕПИТЬ ЯКОРЬ ПОДЧИНЕНИЯ НА ОБЪЕКТЕ НЕ НИЖЕ А-РАНГА.]

Я медленно опустил руку. Дыхание перехватило.

Значит, параноидальные предки всё-таки оставили грандиозную заначку на самый чёрный день. Вот он, мой стартовый капитал. Вот они, ресурсы для войны. Но никаких роялей в кустах. Хочешь добраться до наследия рода — докажи Системе, что достоин. Подчиняй. Владей разумом.

И прямо сейчас у меня был только один подходящий объект А-ранга.

Недостаточно было просто облапать Софию в переулке. Тот контакт оказался лишь поверхностным патчем. Связь нужно закрепить. Сделать неразрывной. Придётся сломать её аристократическую гордость до конца, чтобы она сама, добровольно принесла мне контроль над своей магией. И только тогда эта дверь откроется.

Я повернулся к Архипу. Тот благоговейно замер у стены, разглядывая древний металл.

— Завтра с утра пойдёшь на барахолку, Архип. Найдёшь мне копеечные инструменты, ведра, тряпки и мыло, — мой голос обрёл твёрдость, не оставив от юношеской неуверенности ни следа. — Вычистим хотя бы одну комнату на первом этаже до блеска. Сделаем из неё приёмную. А я отправлюсь в Академию. Мне нужно забрать свой ключ к этой двери.

София Вяземская

Вода в массивной мраморной ванне была невыносимо, обжигающе горячей. От нее к потолку поднимались клубы пара, пропитанные ароматом лаванды и горького апельсина. Но София этого жара почти не ощущала. Она сидела на дне купели, плотно обхватив дрожащими руками колени, и невидяще смотрела на воду стеклянным взглядом.

Вода прямо на глазах, с тихим, зловещим, паучьим потрескиванием покрывалась тонкой, полупрозрачной коркой льда, расходящейся концентрическими кругами от ее бледной, совершенной кожи. Фон от вчерашнего колоссального эмоционального и магического взрыва в грязной подворотне все еще бушевал, гулял по ее венам, как яд. Он не давал ей уснуть. Он не давал ей нормально, глубоко дышать. Каждое, даже самое мимолетное воспоминание о провожавшем мазутом переулке отдавалось глубоко внизу живота такой тяжелой, тягучей, горячей,

постыдной пульсацией, от которой Софии хотелось просто завывать в голос, уткнувшись мокрым лицом в колени. Она, единственная наследница Великого Дома Вяземских! Гордость всей Империи, Ледяная княжна, перед одним лишь именем которой пресмыкались седые министры и боевые генералы... она чуть не набросилась, как дешевая портовая девка, на этого нищего, бесстатусного мальчишку прямо в луже зловонной грязи. София с тихим, надрывным стоном закрыла лицо влажными ладонями. Ее алебастровые щеки под пальцами горели от невыносимого, жгучего, токсичного стыда, который разъедал душу сильнее любого мороза.

Она помнила все до мельчайших, унижительных деталей. Помнила, как выдрессированное отцом тело инстинктивно выгнулось навстречу его жестким рукам. Как она вцепилась побелевшими пальцами в грубый, пропахший уличной пылью сюртук, безмолвно требуя, чтобы он прижался еще ближе, еще сильнее. Чтобы раздавил ее своей властью. Помнила этот дурманный запах кожи — аромат дешевого мыла, терпкого пота, адреналина и озона. Его тяжелое дыхание, обжигавшее ее замерзшие губы, и этот темный, доминирующий взгляд, от которого плавилась воля и подкашивались ноги. «Верни... умоляю, верни» — ее собственные жалкие, срывающиеся слова били по ушам хлесткими пощечинами. Она ведь была готова отдаться ему прямо там, на грязной брусчатке, в лужах наемничьей крови и мусоре.

Лишь бы он только не прерывал этот сладкий, наркотический, сносящий крышу поток багрового огня, который играючи плавил ее ледяную, многолетнюю тюрьму. Лишь бы он взял ее, грубо подчинил себе полностью, навсегда избавив от этой невыносимой, давящей многолетней необходимости всегда быть сильной, всегда держать лицо, всегда быть идеальным оружием Дома. Ненавижу... яростно, сквозь стиснутые зубы прошептала София, с силой ударив маленьким кулаком по замерзающей поверхности воды. Тонкий лед с хрустальным звоном разлетелся вдребезги. Острые, как хирургические скальпели, осколки брызнули во все стороны, оставляя на идеальном мраморе мелкие царапины. Как он посмел... Как этот мусор смеет иметь над собой такую власть?! Она должна его уничтожить. Стереть в серый порошок. Закопать глубоко в землю. Приказать верным, безмолвным гвардейцам Дома Вяземских переломать ему ноги, выжечь эти наглые темные глаза за то, что он сделал с ее разумом. Но вместо праведного, аристократического гнева ее тело вдруг ответило сладкой, предательской, глубоко унижительной дрожью, пробежавшей по позвоночнику.

Она медленно, словно в трансе, провела мокрыми пальцами по своим хрупким ключицам, спускаясь ниже, к часто вздымающейся груди. Она плотно закрыла глаза, до крови закусив нижнюю губу, и живо представила, что это его грубые, мозолистые руки скользят по ее влажной коже. Что это он снова, властно перехватывает ее дыхание. Дыхание Софии тут же, предательски сорвалось на хрип. Сердце забилося о ребра пойманной, перепуганной птицей. Нет. Это безумие. Она сойдет с ума, если это повторится. Она превратится в жалкую, послушную шлюху на его коротком поводке. Она станет посмешищем. Но... она точно умрет от холода, медленно и мучительно, если этого не повторится никогда. Лед сожрет ее сердце, кристаллизует кровь в венах в ближайшие несколько месяцев. Лучшие врачи Великого Дома давно это предрекли, виновато опуская глаза перед отцом. Она резко распахнула глаза, тяжело садясь в стремительно остывающей воде. В ее взгляде появилась холодная, жесткая, аристократическая решимость. Расчет. Она просто купит его.

Все в этой Империи имеет свою цену и продается. Она предложит ему контракт, от которого этот нищий, голодающий щенок физически не сможет отказаться. Деньги, баснословные суммы, высокий статус, железная защита клана Вяземских в обмен на его унижительные услуги. Он будет приходить только по ее расписанию. Он будет стабилизировать ее магию, когда она, госпожа, прикажет. Он будет ее личным, высокооплачиваемым слугой. Ее удобным медицинским прибором. Ее вещью. Эта мысль о возвращенном тотальном контроле над ситуацией немного успокоила бурю в ее груди, позволив льду на поверхности воды медленно, с шипением растаять.

На следующий день вся Академия Высших Родов гудела, как растревоженный осиный улей, в который сунули палку. Студенты возбужденно шептались по углам, замолкали при появлении преподавателей и снова начинали сплетничать. Только слепой и глухой не обсуждал вчерашнюю невероятно дерзкую выходку «мусорного князя» Коростылева у Астрального монолита и вспыхнувший багровый герб павшего рода.

София шла по залитому ярким весенним солнцем внутреннему мраморному двору, окруженная своей привычной, подобострастной, заглядывающей в рот свитой из отпрысков младших родов. Ее спина была идеально прямой, словно она проглотила стальной лом. Лицо непроницаемая, отточенная годами тренировок, прекрасная алебастровая маска. Шаг размеренный, легкий и грациозный. Ни один мускул на лице не дрогнул. Никто из этих стервятников вокруг не должен был даже на секунду заподозрить о той разрушительной, унижительной буре, что прямо сейчас рвала ее внутренности на кровавые ошметки. Она искала его взглядом в пестрой толпе студентов. Она всю ночь, мучительно ворочаясь в холодной, пустой постели, репетировала эту предстоящую встречу. Она подойдет к нему при всех, на виду у всей Академии. Надменно, чуть презрительно посмотрит сверху вниз, как на пустое место. Холодно, по-деловому, громко, чтобы слышали зеваки, предложит ему встречу для обсуждения «коммерческого предложения». Чтобы он знал свое истинное место.

Он просто обслуживающий персонал. Полезный ресурс. Грязный инструмент. Но когда она наконец увидела его, все ее тщательно выверенные, сотню раз отрепетированные планы рухнули в черную бездну, разбившись вдребезги о жестокую реальность. Илья стоял на самом краю просторного двора, возле временно отключенного декоративного фонтана, в густой, прохладной тени раскидистого, старого дуба. На нем был все тот же застиранный, убогий, серый форменный сюртук. Но его осанка... Он стоял, абсолютно расслабленно, небрежно прислонившись плечом к толстому стволу дерева, засунув руки в карманы брюк, и мягко улыбался. Улыбался той самой дерзкой, властной, уверенной улыбкой взрослого, опытного хищника, которая вчера в переулке свела ее с ума. И улыбался он не ей. Прямо перед ним, переминаясь с ноги на ногу, стояла Варвара Оболенская. Та самая жалкая, забитая, серая мышь D-ранга, над которой открыто и жестоко потешалась вся Академия. Та самая девчонка, которая вчера сбежала с помоста в истеричных, унижительных слезах.

Илья склонился к ней непростительно, возмутительно близко. Он что-то бархатно шептал ей, глядя прямо в испуганные глаза и словно игнорируя весь остальной мир. А эта бездарная пустышка Варвара смотрела на него снизу вверх со щенячьим, слепым восторгом. Ее щеки пылали пунцовым румянцем, руки нервно теребили подол юбки. Илья медленно, словно бы случайно, коснулся ее плеча. Длинные пальцы скользнули по шее, ласково заправляя выбившуюся русую прядь. Оболенская вздрогнула, приоткрыла губы и, как под гипнозом, подалась навстречу, жадно впитывая каждое его слово. В груди Софии что-то с влажным треском оборвалось. Разлетелось в клочья. Это было уже не просто уязвленное аристократическое самолюбие. Это была первобытная, слепая и неконтролируемая животная ярость.

Первобытная, разъедающая, как кислота, ревность ударила по мозгам так сильно, что перед глазами на секунду потемнело, а мир сузился до двух фигур под дубом. Он мой. Эта мысль, абсолютно дикая, собственническая, сумасшедшая, вспыхнула в ее голове ярче любого боевого заклинания высшего порядка. Его спасительное тепло, его резонанс, его сильные руки... Как он смеет, как он только смеет трогать этот дешевый, бездарный мусор после того, как прикасался ко мне?! Ее хваленый аристократический контроль, над которым она так тряслась, который так берегла, просто исчез. Испарился. Сгорел дотла в огне ревности. Воздух вокруг Софии мгновенно, с громким, пугающим хлопком рухнул в температуру абсолютного нуля. Вода в соседних декоративных мраморных чашах с хрустальным звоном замерзла прямо на лету. Изумрудно-зеленая трава под сапогами Софии мгновенно покрылась толстой коркой инея, почернела и с сухим шорохом рассыпалась в серый прах от лютого, смертельного холода.

Студенты из ее свиты, почувствовав смертельную угрозу, с испуганными, жалкими криками шарахнулись в стороны, скользя и падая на заледеневший мрамор.

Из тротуаров окружающих повалил густой белый пар, на ресницах осел колкий лед. Почувствовав аномальный перепад температуры, Илья медленно повернул голову и посмотрел прямо на нее — в самый эпицентр ледяной бури посреди двора. София тяжело дышала. Ногти до крови впивались в сжатые ладони. Внутри бушевал ураган, готовый вырваться наружу и смести все на своем пути. Она ждала, что он отшатнется от этой мыши. Что испугается, осознав, с кем вообще связался. Но в его темных глазах не было ни страха, ни удивления перед ее силой. Лишь холодное, оценивающее и насмешливое спокойствие. Спокойствие человека, который только что доказал, что держит ее на коротком поводке. И от этого ясного понимания Софии стало по-настоящему страшно.

Глава 4. Синергия

Илья Коростылёв

Я совершенно не планировал использовать Варвару Оболенскую как наживку. В своей прошлой жизни, оставшейся где-то в другой реальности, я привык оперировать людьми, как сухими цифрами в квартальных отчетах, переставляя их на корпоративной доске ради достижения максимальной прибыли. Мой внутренний прагматик, конечно, привык к сложным, многоуровневым многоходовым комбинациям, выстраивая стратегию на несколько шагов вперед, но в тот момент все вышло до смешного, до банального просто. Никакого хитроумного плана, никакой скрытой манипуляции. За десять минут до того, как роскошный двор Академии, вымощенный светлым камнем, превратился в филиал ледяного ада, я стоял в густой прохладной тени старого раскидистого дуба и отчаянно пытался унять ноющую, пульсирующую боль в висках — жестокие последствия моего первого неконтролируемого резонанса. Голова раскалывалась так, словно в черепную коробку забили ржавый гвоздь, а перед глазами плыли цветные пятна.

Именно в этот момент Варя, вечно суесящаяся и озирающаяся по сторонам, пробегала мимо, торопясь на очередную лекцию, споткнулась о неровно уложенную мраморную плиту дорожки и с тихим, почти мышиным писком выронила стопку тяжелых конспектов по эфирной механике. Белоснежные листы, густо исписанные убористым почерком, словно стая испуганных птиц, тут же разлетелись по ветру, устилая холодный камень двора. Пара надменных аристократов из младших родов, стоявших неподалеку в своих безупречных, выглаженных мундирах, даже не шелохнулись, чтобы помочь, — они лишь брезгливо и с откровенным превосходством усмехнулись, наблюдая за ее неловкостью. Для них она была пустым местом, ошибкой природы, недостойной даже взгляда.

Я тяжело вздохнул, собирая в кулак остатки сил, оторвался от спасительной тени дерева и молча помог ей собрать разлетевшиеся листы. Я сделал это не ради какой-то великой цели, а просто потому, что мог. В прошлой жизни я, может, и был предельно жестким, безжалостным дельцом, без колебаний уничтожавшим конкурентов, но у меня всегда было одно железное правило: я никогда не пинал тех, кто уже лежит на земле и не может ответить. Добивать слабых — это не признак силы, а признак ущербности.

— Держи, — коротко и спокойно сказал я, протягивая ей собранные и слегка помятые конспекты.

Она резко вскинула на меня свои вечно испуганные водянистые глаза, сжалась, ожидая очередной жестокой насмешки или злой шутки, но, не найдя ничего подобного в моем равнодушном взгляде, вдруг густо покраснела, до самых корней волос. В ее мире никто ничего не делал просто так, без желания унижить или использовать.

— С-спасибо, Илья Александрович, — сбиваясь и заикаясь, пробормотала она, дрожащими руками прижимая к груди спасенные записи.

Слово за слово, и мы как-то незаметно разговорились. Это был самый обычный разговор о какой-то совершенно незначительной, бытовой ерунде. О перегруженном расписании, о чрезмерно строгом кураторе Бекетове, который придирался к каждой запятой в курсовых работах. В какой-то момент, слушая ее сбивчивую речь, я аккуратно поправил выбившуюся русую прядь у нее на шее — это был абсолютно машинальный, чисто успокаивающий жест, который я сделал, заметив, что она мелко дрожит от волнения и постоянного стресса. Я не вкладывал в это никакого скрытого смысла, я просто отнесся к ней как к нормальному, живому человеку, заслуживающему толику участия.

Но для Софии Вяземской, чья уязвленная гордость и колоссальная, нестабильная магия именно сейчас мучительно корчились в дикой, разрывающей внутренности ломке, это невин-

ное взаимодействие выглядело совершенно иначе. Для нее это был открытый вызов, предательство, пощечина.

Когда температура во дворе Академии с оглушительным, неестественным хлопком упала до абсолютного нуля, а изумрудная весенняя трава мгновенно почернела и осыпалась серым, мертвым пеплом, я с пугающей ясностью понял, что фатально недооценил масштабы ее физиологической и ментальной зависимости. Ледяная княжна, гордость Великого Дома, стояла прямо посреди стремительно замерзающего мрамора, тяжело и прерывисто дыша, и в ее прозрачных глазах плескалась такая первобытная, слепая, испепеляющая ревность, что сам воздух вокруг нее, казалось, звенел и трещал по швам от колоссального напряжения. Эфирный фон взбесился, грозя уничтожить все живое в радиусе десятков метров.

Я не стал ее дополнительно провоцировать — это было бы чистым, ничем не оправданным самоубийством. Жестко и безапелляционно отправив перепуганную до полусмерти Варю в безопасную аудиторию, я медленно, чеканя каждый шаг, абсолютно спокойно подошел к Софии, полностью игнорируя нацеленные мне точно в кадык смертоносные ледяные копья, готовые пронзить мою плоть при малейшем неверном движении. Я должен был взять ситуацию под контроль.

— Вы расписываетесь в собственной нестабильности, Вяземская, — тихо, чтобы слышала только она, но предельно жестко и холодно сказал я, глядя прямо в бурю ее глаз. — Десять тысяч рублей. Сегодня в полночь, через черный ход моей усадьбы. Придешь одна.

Сказав это, я развернулся на каблуках и ушел, даже не оглянувшись, оставив ее стоять там, наедине с растоптанным самолюбием, разрушенной репутацией идеального оружия и злорадными перешептываниями перепуганной, но жаждущей скандалов академической толпы. Я знал, что она придет. У нее просто не было другого выбора, кроме как принять мои условия.

Она пришла. Точно в полночь, как я и рассчитывал.

Тихий, неуверенный стук в тяжелую обшарпанную дверь черного хода эхом разнесся по пустым коридорам моего дома. Когда я отодвинул заржавевший засов и открыл дверь, на пороге стояла вовсе не та гордая, неприступная наследница Великого Дома, перед которой пресмыкалась вся столица, а сломленный человек, которого прямо сейчас заживо безжалостно пожирала ее собственная, вышедшая из-под контроля сила. Лицо Софии было бледнее мела, губы посинели от невыносимого внутреннего холода, а крупную, неконтролируемую дрожь непрерывно сотрясала ее хрупкое тело, плотно укутанное в тяжелый дорожный плащ. Она умирала.

Она молча, не поднимая на меня глаз, прошла в жарко натопленную комнату, где я специально ждал ее у пылающего камина, и резким движением бросила на старый деревянный стол тугой кожаный мешочек. Тяжелые золотые монеты глухо и весомо звякнули о дерево — такова была цена ее выживания.

— Сделай это, — голос Софии был неузнаваемо хриплым, совершенно ломким и сухим, как осенний лист. В нем не было ни капли раскаяния, ни тени извинений — только злая, отчаянная, загнанная в угол физиологическая потребность наркомана, жаждущего дозы. — Просто сделай свою работу, Коростылев.

Никаких долгих прелюдий, никаких поцелуев, которые были между нами раньше. Никаких разговоров о подчинении или власти. Сейчас, в эту самую секунду, ей нужно было только одно — элементарно выжить и не рассыпаться ледяной крошкой.

Я молча подошел ближе, вторгаясь в ее ауру, от которой веяло смертельным холодом. Взял в свои руки ее дрожащие, невыносимо ледяные ладони. Ее кожа буквально обожгла меня холодом, пробирающим до костей, но я лишь сильнее стиснул зубы и волевым усилием пустил по своим напряженным энергоканалам горячий, пульсирующий багровый Резонанс..

София судорожно, со всхлипом выдохнула, словно утопающий, наконец-то вынырнувший на поверхность. Ее глаза на мгновение закатились от облегчения, а напряженные, сведенные судорогой плечи наконец расслабились и безвольно опустились. Мой эфир действовал как

идеальный антидот: он мягко, но предельно настойчиво плавил смертоносные ледяные тромбы в ее крови, забирая из нее разрушающую боль и щедро отдавая взамен густое, тяжелое, спасительное тепло. Этот процесс исцеления длился долгих десять минут, в течение которых в комнате стояла абсолютная тишина, прерываемая лишь треском дров. Я кожей чувствовал, как постепенно выравнивается ее сбивчивое дыхание, как к мертвенно-бледным, фарфоровым щекам возвращается живой цвет и здоровый румянец.

Но как только жестокая ломка полностью отступила, оставив ее тело в покое, в ее глазах мгновенно снова появился прежний прозрачный, колючий и отчужденный лед. Она резко, с неожиданной силой и явным отвращением вырвала свои руки из моих.

— Достаточно, — предельно холодно и отстраненно бросила она, привычным надменным аристократическим жестом поправляя сбившиеся манжеты своего платья. Маска неприкосновенной Ледяной княгини мгновенно застыла на ее лице, не оставив и следа от недавней уязвимости и мольбы. — Не обольщайся на мой счет. Для меня ты — просто удобный инструмент для решения проблемы. Обычная медицинская пиявка.

Выплюнув эти презрительные слова, она резко развернулась и стремительно ушла, не сказав на прощание ни слова и даже не взглянув на меня.

Я остался стоять совершенно один в звенящей тишине комнаты, слушая лишь завывание ветра за окном. Система внутри моего сознания даже не пискнула, не выдала ни одного уведомления. Не было зафиксировано ни малейшего «якоря подчинения», на который я так рассчитывал. Ее врожденная гордость, клановое воспитание и ненависть оказались куда сильнее и глубже, чем я наивно предполагал. Как выяснилось, ее не сломить одной лишь физиологической ломкой и болью — ее ядро осталось нетронутым.

Судьба, ну или местный жестокий аналог кармы, бросила свои непредсказуемые кости ровно через три дня, перевернув всю доску..

На часть тех самых золотых монет, полученных от Софии, я купил вполне приличную, не привлекающую лишнего внимания одежду и немного необходимых алхимических реактивов на шумном, пропахшем пряностями и конским потом центральном рынке столицы. Я неспешно возвращался домой по широкому оживленному Вознесенскому проспекту, заполненному роскошными экипажами и спешащими прохожими, когда внезапно увидел ее. София грациозно выходила из дверей дорогой пафосной кондитерской в плотном сопровождении двух вооруженных клановых гвардейцев семьи Вяземских, облаченных в синие мундиры.

Наши взгляды случайно пересеклись в пестрой толпе. Узнав меня, она лишь брезгливо и надменно вздернула идеальный подбородок, всем своим видом показывая, что собирается пройти мимо, как мимо пустого места или придорожной грязи, недостойной внимания.

И ровно в эту же растянувшуюся в вечность секунду безмятежное небо над Вознесенским проспектом издало жуткий, влажный, тошнотворный треск, до боли похожий на звук рвущегося толстого брезента. От этого звука кровь застыла в жилах.

Сам воздух над улицей буквально лопнул по швам, искажаясь пространственными аномалиями. Из образовавшейся прямо в воздухе черной уродливой воронки, густо сочащейся гнилым, пульсирующим багровым светом, прямо на чистую брусчатку мостовой рухнули кошмарные твари. Это был Астральный прорыв — непредсказуемая катастрофа, способная стереть с лица земли целый квартал.

Это были Гончие — отвратительные, уродливые монстры, словно грубо сшитые из сгустков мрачных теней, скользких обнаженных мышц и острых, кровоточащих костяных наростов. Каждая такая тварь была размером с хорошего взрослого волка, с пастью, полной кривых клыков. Они тут же вскочили на деформированные лапы и начали двигаться с неестественной, ломаной, дерганой скоростью, от которой рябило в глазах и мутился рассудок.

Мирная, залитая солнцем улица мгновенно взорвалась дикими, полными первобытного ужаса криками. Слепая животная паника охватила проспект: люди бросились врассыпную,

давя друг друга в слепом стремлении выжить, лошади с диким ржанием вставали на дыбы и опрокидывали дорогие экипажи.

Опытных, тренированных гвардейцев Софии смели в первые же, самые страшные секунды прорыва — твари навалились на них серой рычащей массой и просто разорвали обученных бойцов на куски, обильно залив брусчатку кровью и не дав им ни единого шанса даже активировать свои защитные клановые амулеты.

София ударила первой, не поддавшись всеобщей панике и продемонстрировав железную выучку своего Дома. Огромные ледяные колья, сияющие смертоносным абсолютным нулем, сорвались с ее рук и пронзили насквозь двух ближайших гончих, намертво пригвоздив их дергающиеся визжащие туши к каменной брусчатке. Но из черного пульсирующего разлома в небе уже лезли другие монстры, жаждущие свежей крови. Их были десятки, и они не собирались останавливаться.

В тот момент я мог просто развернуться и убежать, спасая свою шкуру и растворяясь в охваченной паникой толпе. Мой внутренний холодный прагматик буквально вопил о том, что это совсем не моя война, что риски неоправданно высоки, а шансы выжить минимальны. Но мое юное тело, движимое какими-то глубинными, неподвластными мне инстинктами, рванулось вперед гораздо быстрее, чем рациональный мозг успел оценить ситуацию и заблокировать этот безрассудный приказ. На бегу подхватив с залитой кровью мостовой тяжелый палаш, оброненный мертвым гвардейцем, я вложил в удар весь свой скудный резерв. На одном лишь чистом, импульсе я с силой снес голову твари, которая уже собиралась прыгнуть Софии прямо на беззащитную спину..

Густая, зловонная черная кровь монстра фонтаном брызнула на светлые камни проспекта, пачкая обувь.

— Что ты здесь делаешь?! — срываясь от напряжения, крикнула София, стремительно возводя перед нами толстую сверкающую ледяную стену, чтобы выиграть хоть секунду времени. В эту спасительную преграду тут же с оглушительным глухим ударом врезались сразу три разъяренные гончие, пытаясь пробить ее своими костяными наростами. По монолитному льду с мерзким хрустом поползла густая паутина глубоких трещин, грозящих скорым обрушением..

— Защищаю свои инвестиции! — зло рыкнул я в ответ, с трудом удерживая непривычно тяжелый клинок, и одним махом срубил когтистую лапу еще одной твари, прорвавшейся к нам с незащищенного фланга.

Краем глаза я видел, что она стремительно, пугающе быстро сдавала позиции. Использовать такую колоссальную, разрушительную магию высшего ранга в полете, без специальных артефактов-накопителей, смягчающих отдачу, было чистым, беспримесным самоубийством. Из ее тонкого носа непрерывной струйкой потекла алая кровь, пачкая подбородок, а бледная аристократическая кожа прямо на глазах покрылась страшными синюшными пятнами глубокого некроза от критического переохлаждения собственного магического источника. Еще один, даже самый незначительный выброс силы — и она необратимо заморозит себя заживо, превратившись в безжизненную ледяную статую посреди улицы..

Защитная ледяная стена, не выдержав чудовищного напора, с оглушительным хрустом разлетелась вдребезги, осыпав нас градом острых осколков. Смертоносные твари плотным смыкающимся кольцом окружили нас, рыча и брызгая слюной, готовясь к финальному, решающему прыжку, который гарантированно разорвет нас на части.

И в эту секунду ослепительная, спасительная вспышка Системы буквально выжгла мне глаза, выводя красные строки прямо в сознание:

[КРИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА. Доступна экстренная резонансная синергия. Условие: прямой эфирный обмен.]

Времени на долгие объяснения, сомнения и уговоры у нас просто не было — счет шел на миллисекунды.

Я с силой отшвырнул в сторону ставший совершенно бесполезным против такой толпы тяжелый палаш, резко развернулся всем телом и предельно жестко схватил Софию за воротник ее испачканного дорогого пальто, грубым, безапелляционным рывком притянув девушку к себе.

— Что ты делаешь?! — ее прозрачные глаза невероятно расширились от шока, непонимания и ужаса, когда гончие позади меня оттолкнулись от земли и прыгнули в нашу сторону.

— Заткнись и пей мою силу! — в отчаянии заорал я, заглушая рычание тварей.

Я с силой впился в ее губы. Это ни при каких обстоятельствах не был поцелуй страсти, романтики или попытка доминирования. Это был исключительно грубый, отчаянный, продиктованный первобытным инстинктом договор о выживании двух обреченных людей. Поцелуй со вкусом ее горячей крови из разбитой губы.

Мой бурлящий багровый Резонанс, совершенно не встречая на своем пути привычного сопротивления ее гордости, мощным ревущим потоком хлынул прямо в ее распахнувшуюся от глубокого шока ауру. А ее чудовищная, невероятно концентрированная ледяная магия, наконец-то получив идеальный, практически неисчерпаемый проводник, способный выдерживать нагрузку, с ревом ворвалась в меня, заполняя каждую клеточку моего тела.

Пространство вокруг нас в буквальном смысле взорвалось от этого контакта, искажая саму реальность.

Ужасающая ударная волна гибридного, невиданного ранее багрового льда разметала прыгнувших астральных гончих по мостовой, с легкостью пуха разрывая их прочные тела на куски прямо в полете и размазывая по стенам домов. Мы медленно отстранились друг от друга, оба тяжело, со свистом и прерывисто дыша, пытаюсь осознать произошедшее. Наши расширенные глаза в этот момент светились совершенно одинаково — пугающим и завораживающим фиолетовым светом активированной абсолютной синергии.

Смертоносная магия больше не убивала ее изнутри, не разрывала ее сосуды. Она плавно, идеально циркулировала между нашими телами, образуя нерушимый, замкнутый идеальный контур бесконечной силы, питающий нас обоих.

— Уничтожь их, — хрипло сказал я, физически ощущая, как мое слабое, изможденное тело до краев переполняет абсолютно невероятная, титаническая физическая мощь, дарованная этим слиянием.

София очень медленно, почти грациозно стерла каплю крови с припухших губ тыльной стороной ладони. В ее сияющих глазах больше не было ни капли прежней ломкой слабости, ни тени человеческого страха перед смертью. В них читалось лишь идеальное, абсолютное, ледяное боевое превосходство хищника, осознавшего свою истинную силу..

Она властным, не терпящим возражений жестом вытянула руку вперед, и широкий Вознесенский проспект на целую сотню метров вперед мгновенно превратился в мертвую, пугающе сверкающую ледяную пустошь. Эта волна абсолютного холода мгновенно и навсегда заморозила всех оставшихся в живых тварей прямо в их смертоносном прыжке, превратив их в хрупкие, сверкающие на солнце ледяные статуи, которые уже никогда не сдвинутся с места.

[ДИНАСТИЧЕСКИЙ ПАКТ: ЗАКЛЮЧЕН. СИНЕРГИЯ АКТИВНА.] [ДОСТУП К ХРАНИЛИЩУ ОТКРЫТ.]

София Вяземская

Этот предельно жесткий, отчаянный поцелуй, явно отдающий солоноватым привкусом чужой крови и тяжелым металлом, в одно мгновение вышиб из ее скованных морозом легких весь воздух, лишив способности мыслить рационально.

В первую, самую долгую долю секунды она инстинктивно, на одних вбитых тренировками рефлексах, хотела со всей силы оттолкнуть его от себя, ударить магией наотмашь, намертво, до хруста костей заморозить эти наглые, бесцеремонные мужские руки, сжимающие воротник ее дорогого, испачканного кровью пальто. Но вместо яростного сопротивления она

лишь беспомощно подавилась собственным судорожным, рваным вздохом, не в силах пошевелиться. В тот самый миг, когда их губы так грубо соприкоснулись на залитой кровью, охваченной паникой улице, глубоко внутри нее что-то с оглушительным, чистым хрустальным звоном наконец встало на свои законные, предназначенные места, завершая невидимый пазл..

Это чудовищное, разрывающее изнутри давление ее собственной нестабильной магии, которое еще секунду назад неотвратно грозило превратить ее живое сердце в кусок мертвого, неподвижного льда, внезапно, словно по волшебству, нашло долгожданный, спасительный выход. Ее знаменитый, всеразрушающий родовой «Абсолютный холод» больше не бился безумной, ослепленной птицей в тесной клетке ее хрупких вен, безжалостно уничтожая кровеносные сосуды и убивая живую плоть с каждым ударом сердца. Он бурным, ревущим, неуправляемым потоком хлынул прямо на стоящего перед ней Илью, словно река, прорвавшая плотину.

И навстречу этому смертоносному холоду, проникая сквозь этот отчаянный, спасительный поцелуй, в нее так же мощно ворвалась его сила. При этом он совершенно не пытался грубо доминировать над ней, ломать ее волю, как делал это раньше, или вливать в нее какую-то свою разрушительную магию — ведь боевой магии у него просто не было, он был пуст. Но именно в этот критический момент он стал для нее самым идеальным, абсолютно бездонным громоотводом, принимающим весь удар на себя. Он, словно гигантская, ненасытная губка, безропотно поглощал в себя всю смертельную отдачу ее чудовищного дара, вбирая весь тот разрушительный, убивающий холод, что всего мгновение назад неумолимо убивал ее изнутри, оставляя некрозные пятна на коже.

Ощущения от этого двустороннего энергетического процесса были просто невероятными, они разрушали все барьеры разума. И были пугающе интимными, до дрожи в коленях, до звона в ушах, связывая их крепче любых физических уз..

София, сама того не ожидая, невольно низко застонала прямо в его разбитые в кровь губы, отчетливо ощущая на своем языке солоноватый вкус собственной крови, смешавшейся с его кровью. Та невыносимая, парализующая каждое движение физическая боль, которая в последние дни сводила ее с ума, исчезла без следа, словно ее никогда и не было. На смену ей стремительно пришла звенящая, холодная, невыносимая в своей чистоте и остроте ясность рассудка, позволяющая видеть каждую деталь поля боя. Ее родовая магия, больше ничем не сдерживаемая и не ограниченная животным, подсознательным страхом убить себя собственным даром, с нескрываемой радостью развернулась во всю свою первозданную мощь, охотно откликаясь на его поддерживающий, направляющий багровый контроль. Он крепко, как величайшую хрупкую драгоценность, держал в своих надежных руках ее бушующий магический источник — держал предельно уверенно, бережно забирая все смертоносные излишки маны и филигранно балансируя на грани гибели, не давая сорваться..

Смертоносная ударная волна их общей, слитой воедино немыслимой силы с легкостью, словно сухие листья, разметала наступающих монстров в разные стороны, дав им драгоценные секунды передышки. Они с трудом оторвались друг от друга, прерывая поцелуй, но не разрывая возникшую связь.

Илья стоял напротив нее и тяжело, с надрывным хрипом дышал, пытаясь справиться с обрушившейся на него энергией. Его темные, глубокие глаза казались сейчас абсолютно бездонными колодцами, полностью впитавшими ее смертельный сияющий холод, слившийся с его багровым огнем. Он так и не стал могущественным боевым магом, его руки все так же предательски дрожали от перенесенного физического напряжения и тяжести меча, но именно сейчас, в эту секунду, он был тем самым единственным, нерушимым и монолитным фундаментом, который не давал ей сорваться в ледяную бездну безумия и смерти.

Ее тело больше не мерзло, ледяные оковы спали. Ее с ног до головы переполняло кристально чистое, смертоносное и непоколебимое спокойствие уверенного в себе, неуязвимого бойца.

— Уничтожь их, — коротко и безапелляционно приказал он, и этот приказ перекликался с ее собственным желанием разорвать тварей на куски.

София медленно, с грацией смертоносного хищника, не отрывая взгляда от пытающихся подняться монстров, стерла с губ влажную кровь. В ее прекрасных глазах больше не было ни малейшего следа недавней слабости, ни унижительного страха перед магической ломкой, терзавшей ее последние дни. Она очень плавно, совершенно не ощущая былой свинцовой тяжести в натруженных мышцах, подняла изящную руку навстречу угрозе. Никакого внутреннего напряжения или привычного сопротивления непокорного эфира. Никаких болезненно лопающихся капилляров на ее бледной, фарфоровой коже, никакой боли в груди.

Морозный воздух над разрушенным Вознесенским проспектом тонко и зловеще зазвонел, предвещая катастрофу для врагов. Широкая, ослепительно яркая волна концентрированного, абсолютного холода стремительно сорвалась с кончиков ее тонких пальцев, заливая все вокруг белым светом. Она не просто банально заморозила оставшихся астральных гончих — она одним плавным движением превратила целую улицу столицы в безмолвный, пугающе идеально ровный сверкающий ледник, намертво сковав жутких тварей насмерть прямо в момент их отчаянного прыжка, превратив их в хрустальные изваяния смерти.

Убедившись, что угроза полностью миновала и на проспекте не осталось никого живого, кроме них двоих, она плавно опустила руку, с замиранием сердца и трепетом прислушиваясь к совершенно новым ощущениям глубоко внутри себя. Там, в самом центре ее существа, ровно и мощно пульсировала совершенно новая, прочная, словно выкованная из лучшей стали, неразрывная связь со стоящим позади нее парнем. Это ни при каких обстоятельствах не была та постыдная, жалкая зависимость сломленной эфирной наркоманки, которая ночью приходила под дверь умолять о жалкой дозе тепла. Это был честный, равноценный и симбиотический обмен силами двух равных партнеров. Идеальное, абсолютное оружие и его непробиваемый, надежный щит.

В ее прояснившемся, спокойном сознании абсолютно беззвучно, но кристально четко и ясно вспыхнули чужие, системные слова, истинное, глубинное значение которых она теперь поняла чисто интуитивно, всем своим изменившимся естеством, приняв эту новую реальность как данность:

[ДИНАСТИЧЕСКИЙ ПАКТ ЗАКЛЮЧЕН. СИНЕРГИЯ АКТИВНА.]

Глава 5. Скрытые активы и дивиденды симбиоза

Илья Коростылёв

Опустившаяся на Вознесенский проспект тишина казалась мертвой, оглушающей. Она тяжелым звоном била по барабанным перепонкам, вытесняя из памяти леденящий душу вой астральных тварей, влажный хруст рвущейся плоти и крики обезумевших людей. Все было кончено; мы каким-то чудом остались живы. Вокруг, насколько хватало глаз, искрилась под солнцем сюрреалистичная ледяная пустошь, словно кусок ледникового периода рухнул прямо в центр столицы. Прорвавшие реальность монстры застыли навсегда. Прозрачный, нетающий лед Софии сковал чудовищ в изломанных позах. Некоторые так и остались висеть над залитой кровью брусчаткой, обратившись в жуткие статуи, внутри которых медленно сворачивалась гнилая черная кровь. Воздух с хрипом вырвался из моих легких густым облаком пара. Поперек горла стоял тошнотворный металлический привкус крови. Мышцы, не привыкшие к чудовищным объемам заемной энергии А-ранга, болезненно дрожали: откат от синергии безжалостно напоминал, что мое собственное тело все еще возмутительно слабо.

Я перевел взгляд на Софию, стоящую в паре метров от меня с грациозно опущенной рукой. От прежней стеклянной хрупкости измученной ломкой наркоманки не осталось и следа. Синюшные пятна некроза сошли с алебастровой кожи, кровь больше не текла из носа. Ее аура сияла ослепительно чистым, ровным светом, и самое пугающее — я ощущал этот свет как естественное, органичное продолжение самого себя. Это был идеально сбалансированный А-ранг — смертоносное оружие Великого Дома вернуло свой абсолютный статус. Княжна плавно повернула голову, и на дне ее прозрачных, как горное озеро, глаз я заметил утешающие гибридные фиолетовые сполохи. Мы молчали. Никаких слов благодарности за спасенную жизнь или упреков за мою грубость не последовало. Нас намертво связывала незримая, пугающе интимная пульсирующая пуповина, возникшая в момент того отчаянного поцелуя. И тут, пробиваясь сквозь нарастающий звон в ушах, перед глазами развернулась багровая панель Системы:

[ДИНАСТИЧЕСКИЙ ПАКТ ЗАКЛЮЧЕН. СИНЕРГИЯ АКТИВНА.]

[ТРЕБОВАНИЕ ДОСТУПА В ХРАНИЛИЩЕ ВЫПОЛНЕНО.]

[БЛОКИРОВКА СНЯТА.]

Мой мозг управленца, натасканный выискивать мелкий шрифт и подвохи в любых договорах, моментально дал сбой. Погодите-ка, что-то здесь явно не клеилось. Я сжал кулаки, стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в связках, и буквально вгрызся глазами в багровые строки. Я прекрасно помнил условия: Система четко требовала «Агрессивного слияния» и установки «Якоря Подчинения». Именно подчинения. Мне нужно было сломать ее волю, растоптать гордость и сделать из Вяземской ручную, безвольную куклу. То есть сыграть ту самую роль ментального паразита, которую моему роду приписывали имперские учебники истории. Но ведь то, что произошло пару минут назад, и близко не походило на подавление! Я не заставлял княжну ползать на коленях. Когда твари бросились на нас, я просто отдал ей все крохи своей силы, а она доверила мне контроль над своим убивающим ее резервом. Это было чистое доверие загнанных в угол людей. Мы обменялись ресурсами, как равные партнеры, став мечом и щитом друг для друга.

Чистая синергия. Так с какой стати древняя параноидальная Система, заточенная под бескомпромиссное доминирование, приняла этот равноправный Пакт за выполнение условия и открыла сокровищницу? Ошибка тысячелетнего артефакта? Или вся эта академическая пафосная чушь про «кукловодов», из-за которой сровняли с землей мой род, — грандиозная

ложь? По липкой от пота спине скользнул колючий холодок. Нет ничего опаснее, чем играть в крупную игру по правилам, истинного смысла которых ты не понимаешь. Мне жизненно необходимы были ответы, и ждали они в подвале моей усадьбы.

Вдалеке со стороны Невского проспекта уже завывали сирены — жандармерия и хваленые боевые маги гарнизона, как обычно, спешили лишь к торжественному разбору трупов.

— Тебе нужно уходить, Коростылёв, — холодный, лишенный эмоций голос Софии разрезал звенящую тишину. Но через нашу новообретенную связь меня почти физически кольнула ее искренняя тревога... за меня.

— Не могу не согласиться, Ваша светлость, — криво усмехнулся я, смахивая с лица прилипшую прядь волос. — Появление здесь бесстатусного нулевщика без единой царапины в окружении кровавого фарша из элитных гвардейцев вызовет слишком много вопросов у безопасников.

София бросила взгляд на разрубленные останки тварей и кивнула. Она пообещала взять всю историю на себя: внезапный прорыв, мертвая охрана и отчаянный, удачный каст массовой заморозки. Отличная рабочая легенда. Примитивные жандармские сканеры ни за что не учуют мой багровый Резонанс, укрытый под слоями ее стабильного льда. Я коротко кивнул и шагнул в темный провал арки.

— Илья, — окликнула она в спину, когда я уже почти растворился в темноте.

Я обернулся. Ледяная княжна смотрела на меня не презрительно, а цепко — как бизнес-партнер, внезапно осознавший ценность приобретенного актива. Поколебавшись, она тихо произнесла, что ощущает эту странную связь между нами.

— Я тоже, — прямо ответил я. — Привыкай, София. Теперь мы в одной лодке, и разорвать этот договор в одностороннем порядке не выйдет ни у кого из нас.

Возражать она не стала. Молча кивнув в сторону подъезжающих жандармских экипажей, она осталась на месте, а я быстро растворился в тенях, направившись к своей разрушенной усадьбе.

Дорога до окраин отняла больше часа петляний по темным улицам в попытках обойти случайные патрули. Когда адреналин окончательно отпустил, навалилась жуткая, выматывающая пустота; все тело ломило так, будто по мне проехал паровой каток. И все же глубоко внутри, там, где всегда зияла зыбкая слабость, теперь ритмично пульсировал горячий комок силы. Эхо чудовищной мощи Вяземской осело в моем контуре, даруя совершенно незнакомое чувство защищенности.

Как только я перевалился через ржавую калитку и открыл черную дверь, навстречу кинулся перепуганный Архип. Заметив мои лохмотья, пропитанные чужой черной жижей, старик ахнул и чуть ли не бегом собрался за лекарем.

— Отбой, Архип, — тяжело навалившись на деревянный косяк, остановил я побледневшего слугу. — Врач не нужен. Я цел. Это... чужая кровь.

На его полные ужаса взгляды я лишь отмахнулся, вяло пошутив про «издержки агрессивного расширения бизнеса», чего старик, естественно, не понял. Я велел ему запереть двери и ни под каким предлогом не пускать ни безопасников, ни клановых гвардейцев, а затем добавил, что спускаюсь вниз, в хранилище. Глаза Архипа расширились от священного трепета; истово перекрестившись, он шепотом спросил:

— Неужто пустит?

— Вот и проверим, — глухо отозвался я и шагнул на винтовую лестницу, уводящую в сырой мрак.

Бесконечный спуск по крошащимся каменным ступеням в воздухе, пахнущем пылью и застарелой плесенью, привел меня к исполинской древней двери. Желтый луч эфирного фонаря выхватил глухой, матовый металл и родовой герб Коростылёвых — расколотый щит, перемотанный ржавыми цепями. В прошлый визит эта железяка безжалостно обдала меня

отказом, требуя от слабого парня невозможного — тотального порабощения мага А-ранга. Я шагнул вплотную. Сердце отбивало бешеный ритм, а разум продолжал просчитывать риски того, что Система выдаст фатальный сбой, ведь я откровенно нарушил базовый алгоритм. Я не стал для Вяземской хозяином, я встал с ней на один уровень. Сделав глубокий вдох, я сконцентрировал в ладони отголоски нашей синергии — пульсирующий фиолетово-багровый свет — и с силой приложил руку к центру герба.

Какую-то секунду не происходило ровным счетом ничего. А потом весь подвал тряхнуло. Никаких щелчков замка — лишь низкий, пробирающий до костей гул, от которого завибрировала древняя каменная кладка. Система не сыпала вспысками уведомлений, зато линии герба налились злым багровым светом, напоминая текучую лаву. Ржавые цепи жалобно визгнули, лопнули и, вопреки всякой логике, втекли внутрь матового металла, оставив щит свободным. Под оглушительный скрежет огромных внутренних механизмов многотонная дверь, подняв облако пыли, тяжело уползла в толщу стены. Я замер, не веря глазам — истинное наследие моего рода было открыто. Из прохода не пахло склепом или гнилью. Наоборот, оттуда повеяло ровной сухой прохладой, ароматами старой кожи, пергамента, алхимических масел и благородного металла. Так пахли колоссальные деньги и реальная власть. Я сделал шаг вперед. Как только ботинок ступил на идеально черный мрамор, под высоченными сводами начали мягко разгораться холодные эфирные лампы.

Даже мой рассудок, привыкший оперировать цифрами крупных корпораций, на мгновение завис от масштабов этого огромного автономного бункера с его рунными колоннами. Впрочем, прагматичный взгляд быстро сфокусировался на главном — на активах. Вдоль правой стены аккуратными рядами покоились массивные дубовые сундуки. Крышки некоторых съехали, и то, что маняще поблескивало в щелях, заставило пульс ускориться. Я откинул скрипнувшую крышку первого же ящика и выдохнул — золото. Никаких неликвидных фамильных побрякушек, которые потом замучаешься сбывать перекупщикам без лишних вопросов от жан-дармерии, а идеальная ликвидность: ровные столбики старых золотых червонцев. Сотни тысяч монет. Этих денег хватило бы не только заткнуть все долговые дыры семьи, но и сколотить приличную армию наемников. Я погрузил руку в холодный металл, слушая его тяжелый звон, и мой внутренний делец торжествующе взвыл: риск сдохнуть в нищете отменялся, теперь у меня на руках был мощнейший стартовый капитал.

Но золото было лишь приятным инструментом. Настоящая сила таилась в левой части бункера — в колоссальной библиотеке. Десятки стеллажей из эбенового дерева были уставлены книгами, ветхими свитками и кристаллами памяти, которые артефакты стазиса сохранили в идеальном виде. В центре этого океана знаний, на возвышении из белого мрамора, стоял аналой. На нем покоилась массивная безымянная книга в переплете из потемневшей багровой кожи. Кожей ощущая дикую концентрацию магии, от которой радостно гудела моя кровь, я с суеверным благоговением откинул тяжелую обложку. Размашистым, агрессивным почерком и странными ржавыми чернилами — возможно, запекшейся кровью — был написан личный дневник первого Патриарха Коростылёвых, чье имя Император когда-то приказал навсегда вымарать из истории. Быстро листая страницы и переводя витиеватый слог на современный язык понятий, я вдруг наткнулся на схематичный рисунок сложного переплетения энергоканалов двух людей. Текст под ним дал бескомпромиссный ответ на все вопросы.

«Глупцы и трусы называют наш великий дар проклятием, а нас самих — паразитами, — гласили древние строки. — Жалкая Империя дрожит в животном ужасе, видя, как мы набираем на шеи их сильнейших магов багровые цепи Подчинения. Но они видят лишь грубый инструмент контроля и устрашения. Мы сами активно поддерживаем этот удобный миф. Страх — отличный, непробиваемый щит для молодого рода».

Нахмурившись, я пересохшими губами читал дальше.

«Но примитивное Подчинение — это лишь самый низший слой нашего Резонанса. Легкий путь для слабых духом. Ломая волю носителя А-ранга, делая его рабом, паразит получает лишь жалкие крохи его магии. Сосуд, скованный железными цепями, сходит с ума и погибает от истощения, вынуждая снова искать новую жертву».

В памяти сразу всплыла легко вскрытая аура Вари Оболенской. Это и было то самое грубое подчинение — дешевый, краткосрочный актив с ничтожными дивидендами. Судорожно перевернув страницу, я впился в следующий абзац.

«Истинная, абсолютная мощь Резонанса Коростылёвых — это Синергия. Идеальный Симбиоз. Достичь его можно, лишь не ломая волю сильного партнера. Носитель должен добровольно отдать тебе свой источник, балансируя на грани гибели, а ты — стать для него абсолютным щитом. Только когда ауры сливаются в акте полного доверия, стихия партнера замыкает бесконечный контур. Тот, кто решится на такой Пакт, перестает быть паразитом. Он становится кузнецом богов».

Следующие строки заставили пульс ускориться до предела.

«Пакт Равных стирает любые барьеры. Чужой эфирный контур, кровь и память становятся твоими. Родовые техники и все секреты боевых заклинаний, выводившиеся веками жесточайшей селекции, теперь полностью открыты Резонансу. Симбионт — это пустой сосуд, обретший идеальное наполнение. Ты будешь управлять их стихией с той же легкостью, что и они сами».

С хриплым выдохом я отступил от мраморной подставки. Выходит, у меня появилась не просто ходячая батарейка. Я только что получил прямой доступ к сверхсекретным боевым конструктам Вяземских — тем самым, за раскрытие которых Имперская Служба Безопасности выжигает целые семьи.

Все элементы пазла сошлись в безупречную математическую бизнес-модель, веками скрытую под ложью и клановой паранойей. Система хранилища не сбоила. Требование «Якоря Подчинения» было жестоким тестом, хитроумной ловушкой для жадных дураков. Те из моих предков, кто ломал чужую волю, оставались мелкими паразитами перед наглухо закрытой дверью хранилища. А Система безошибочно распознала Синергию, признав мой риск и то, что я не стал делать из Софии сломанную куклу. Я активировал истинный потенциал своего генетического кода.

Обведя взглядом колоссальный зал с золотом, уникальными знаниями о манипуляции эфиром и запретной магией Крови, я понял одно: забитый подросток-сирота с мусорным рангом умер окончательно. Теперь здесь стоял жесткий антикризисный менеджер, заполучивший контрольный пакет акций самой могущественной корпорации. Мои губы сами собой растянулись в широкую, хищную улыбку. У меня был огромный капитал, уникальные технологии, доступ к смертоносным ледяным техникам и идеальный партнер А-ранга, чья сила заставит дрожать всю Империю.

Дело за малым — официально выйти на рынок и запустить процедуру агрессивного поглощения.

— Ну что ж, Великие Дома, — тихо произнес я, и голос с легкой хрипотцой азарта эхом разлетелся по залу, когда я с глухим стуком захлопнул дневник Патриарха. — Поглядим, как вы переживете рейдерский захват. Игра началась.

София Вяземская

Вознесенский проспект тонул в тревожных красно-синих отсветах от мигалок жандармских машин. Сирены наконец замолчали, уступив место отрывистым командам следователей да скрипу форменных сапог по идеально ровному, промерзшему льду. София молча стояла, скрестив руки на груди, и холодным взглядом осматривала дело своих рук. Десятки ледяных статуй тварей замерли прямо в прыжке, а их мертвая плоть чернела внутри, как мухи, застряв-

шие в смоле. Ее больше не трясло. Впервые за долгие месяцы мощнейший магический выброс не заставил тело биться в лихорадочных судорогах истощения.

Под бледной кожей не лопались мелкие сосуды, а в висках не стучала глухая, сводящая с ума боль надвигающегося некроза. Вместо этого там, где раньше постоянно бушевала неконтролируемая буря, теперь плескалось бездонное, кристально чистое озеро, прочно покоящееся на монолитном фундаменте из теплого багрового света. Прислушавшись к себе, она интуитивно, безошибочно ощутила направление, куда ушел Илья — на промышленные окраины, в грязные трущобы к своему пугающему наследию.

— Ваша светлость! — к ней, неловко оступаясь на гладком льду, подбежал запыхавшийся капитан жандармерии, сопровождаемый двумя пепельно-бледными от ужаса магами из личной гвардии Вяземских. Еще бы им не бледнеть — они едва не потеряли драгоценную наследницу, за что глава клана непременно свернул бы им шеи.

— Ваша светлость, хвала Творцу, вы живы! — суетливо отдавая честь, забормотал капитан, нервно косясь на останки гвардейцев и замороженных тварей. — Прорыв пятой категории... Мы зафиксировали всплеск, но не успели...

— Вы всегда опаздываете, капитан, — безупречной, лишенной малейшей ноты паники интонацией Ледяной княжны холодно отрезала София.

— Виноват, Ваша светлость, — поежившись от исходящего от нее холода, сглотнул жандарм. — Что здесь произошло? Мы не зафиксировали активацию артефактов вашей гвардии.

Небрежно поправив воротник пальто, чтобы скрыть следы чужой крови, она скормила им идеальную ложь: пространственный разлом открылся прямо над ними, мужественные гвардейцы приняли первый удар на себя и погибли, дав ей те самые несколько секунд на подготовку и применение «Абсолютного нуля» по площади. Она лгала так же естественно, как дышала, и ни один мускул на ее красивом лице не дрогнул.

Вперед выступил седой ветеран из старших гвардейцев Вяземских. С профессиональной тревогой посмотрев на нее, он попросил разрешения немедленно проверить ее источник — ведь применение заклинания такого ранга без катализаторов должно было убить ее. Как и все посвященные в тайну, он знал, что ее сила медленно пожирает ее изнутри, и сейчас она должна была лежать на брусчатке в глубокой коме. Он протянул руку в медицинской перчатке со вшитыми сканирующими рунами.

— В этом нет нужды, Игнат, — София мягко, но уверенно отвела его ладонь. — Со мной все отлично.

Ветеран опешил, однако хитрая руна на перчатке успела мигнуть зеленым светом, подтверждая идеальное здоровье.

— Аура... ровная, — пораженно выдохнул он, уставившись на нее как на призрака. — Ни единого повреждения каналов. Но как? Вы же светитесь, госпожа, прямо как в день вашей инициации!

— Экстремальный стресс прекрасно мобилизует скрытые резервы, — ледяным тоном оборвала княжна, не дав развить мысль. — Займитесь телами. Семьям погибших выделить двойную выплату из моего фонда. Капитан, пишите рапорт, я потом подпишу. А сейчас подайте машину, я возвращаюсь домой.

В салоне бронированного «Руссо-Балта», за толстой звуконепроницаемой перегородкой, густо пахло дорогой кожей и ружейным маслом. Огни ночного города сливались в сплошную полосу за окном, но Софии было не до пейзажей. Стянув перчатки, она поднесла руки к лицу: здоровая, живая кожа, больше не пугающая той мертвенной прозрачностью, с которой ей пришлось свыкнуться за этот страшный год.

Закрыв глаза, девушка ушла в глубокий медитативный транс, сканируя собственное ядро. Увиденное астральным взором заставило ее судорожно выдохнуть. Ее источник, некогда напоминавший растрескавшийся, готовый взорваться ледяной монолит, невероятным обра-

зом преобразился. Теперь вокруг него мерно пульсировала абсолютно неразрушимая багровая энергетическая сеть, выступающая в роли безупречного балансира: стоило льду агрессивно расширяться, угрожая плоти, как багровая нить властно забирала излишек, уводя его далеко за пределы ее тела. Туда, к нему.

«Заткнись и пей мою силу!» — его отчаянный, грубый рык все еще звенел в ушах.

Коснувшись пальцами крошечной, все еще саднящей ссадины на нижней губе от его зубов, София усмехнулась. Илья Коростылёв. Грязь под ногтями высшей аристократии, мусорный ранг, над которым в открытую потешалась вся Академия. Человек, к которому она пришла вчера ночью, сгорая от стыда и ненависти, чтобы купить пару дней жизни. Как же жестоко все они ошибались: и она, и ее снобистский клан, и вся эта напыщенная Империя.

Он не был банальной батареей или безвольным инструментом. То, как органично его багровая аура ворвалась в ее сознание, создавая этот замкнутый контур, в корне нарушало все фундаментальные законы магии, известные Вяземским. Она открыла глаза, в упор глядя на свое отражение в тонированном стекле. Больше она не зависела от него как жалкая наркоманка. Они стали сообщающимися сосудами, одной идеальной боевой единицей. И если ищейки из Имперской Службы Безопасности хоть краем уха узнают, на что способен последний Коростылёв, его убьют быстро и молча, а ее запрут в лабораториях и будут изучать как подопытную крысу.

Значит, ни единая живая душа не должна узнать об этом. Она продолжит играть привычную роль Ледяной княжны, а он станет ее тайным, глубоко скрытым активом — ее абсолютной тенью. Внезапно просторный салон автомобиля показался невыносимо тесным. Тихо ахнув, София инстинктивно схватилась за грудь: прямо по незримой пуповине их душ ударила чудовищная, сейсмическая волна древней силы. Пахнуло не привычным холодом, а пылью веков, старым металлом и неограниченной властью.

Перед глазами развернулся незнакомый фиолетовый интерфейс Синергии: **[СИНХРОНИЗАЦИЯ УЗЛА...][Зафиксировано подключение Первичного Носителя к Хранилищу.][Статус: Симбионт первого порядка. Права доступа обновлены.][Внимание: Ваша энергоструктура перестраивается под резервы Первичного Носителя.]**

И тут же выскочила еще одна строчка, от которой у Софии екнуло сердце: **[Обмен генетическими матрицами завершен. Доступ к родовым техникам симбионта (Ветвь: Лед/Абсолют) успешно предоставлен Первичному Носителю.]**

Глаза девушки округлились от шока, и она судорожно вдохнула кондиционированный воздух салона. Он что, только что взломал их секретные техники? Те самые боевые конструкторы Великого Дома Вяземских, ради сохранения которых клан без моргания стирал с карты целые города?! Сперва ее захлестнул рефлекторный аристократический ужас. Но следом по венам разлилось приятное тяжелое тепло, принося с собой такую звериную уверенность, что Софии отчаянно захотелось рассмеяться. По связи к ней эхом доносился его триумф — холодный восторг хищного дельца, получившего доступ к сейфу с активами. Илья был крепким, хоть и пустым сосудом, и теперь он вооружился ее льдом.

— Значит, мы начинаем игру, Коростылёв? — беззвучно шепнула княжна.

Улыбка на ее лице не имела ничего общего с салонной сдержанностью. Это был жестокий оскал хищницы, внезапно понявшей, что удушающий ошейник наконец-то сброшен. Их силы сплелись в единый узел, и она больше не собиралась отсиживать в роли жертвы. Она — Вяземская, а Коростылёв — идеальный рычаг, которым можно перевернуть с ног на голову и родной прогнивший клан, и всех, кто смел ее жалеть. Симбиоз подразумевает партнерство, а партнерам нужно срочно обсудить условия будущей империи.

— Водитель! — резко бросила она в интерком. — Меняем планы. Я не еду домой, у меня срочные дела в промзоне.

Глава 6. Слияние и поглощение

София Вяземская

Тяжелый, бронированный по высшему классу «Руссо-Балт» с тихим шуршанием шин остановился на разбитой, покрытой замерзшими лужами дороге. Контраст был разительным: сияющий в свете тусклых фонарей черный кузов с серебряным гербом Великого Дома Вяземских казался здесь абсолютно инородным. Словно космический корабль рухнул посреди гниющего средневековья. Вокруг громоздились покосившиеся заборы, в небо вонзались закопченные, изрыгающие едкий дым трубы, а мрачные фасады заброшенных мануфактур смотрели на дорогой экипаж выбитыми глазницами окон. Это было самое дно столицы. Место, где имперские законы работали только днем и лишь при поддержке усиленных жандармских патрулей.

— Ваша светлость, — водитель, крепкий мужчина с военной выправкой и аурой стихийника С-ранга, нервно покосился в зеркало заднего вида. Его пальцы до хруста сжали руль. — Это промышленные трущобы. Местные называют квадрат «Гнилым зубом». Здесь категорически небезопасно без сопровождения личной гвардии. Разрешите, я вызову патруль клана по экстренному каналу...

— Заглуши двигатель, Степан, — ровным, пробирающим до костей тоном приказала София. Она встретила с водителем взглядом через зеркало, и тот невольно вздрогнул, почувствовав, как температура в салоне упала на несколько градусов.

— И жди меня здесь. Никакой связи с резиденцией, никаких докладов начальнику охраны. Если через час я не вернусь — вот тогда можешь поднимать по тревоге хоть всю столичную жандармерию и личный спецназ отца. Но до тех пор в эфире должна быть абсолютная, мертвая тишина. Ты меня понял?

— Так точно, Ваша светлость, — сглотнув, глухо ответил гвардеец и послушно повернул ключ зажигания. Вибрация мощного мотора стихла.

Она плавно распахнула тяжелую дверцу прежде, чем водитель успел выскочить под дождь и услужливо открыть ее снаружи. Резкий, порывистый ночной ветер мгновенно ударил в лицо, принося с собой целую палитру омерзительных запахов: угольной гари, перепревшего мусора, дешевого кислого табака и пронизывающей сырости от близкой реки. София брезгливо поморщилась, плотнее запахнув полы сшитого на заказ шерстяного пальто. Ее изящные ботильоны уверенно ступили на грязную брусчатку, а тонкий слой льда с сухим треском лопнул под каблуком.

Двор разрушенной усадьбы Коростылёвых встретил ее могильным запустением и непроглядной темнотой. Ржавая калитка подалась с протяжным скрипом, похожим на стон умирающего животного. Но свет фонарей Софии был не нужен. Она шла вперед, ведомая не физическим зрением, а новой, пульсирующей багровой нитью, что теперь намертво связывала ее ледяное ядро с ним. Эта эмпатическая и энергетическая связь гудела на краю сознания, как оголенный высоковольтный провод. Она безошибочно указывала направление: мимо осыпающегося фасада, за угол, к не приметной двери черного входа и дальше, глубоко под землю.

На пороге, словно древнее привидение, возникла сгорбленная фигура старика в засаленном фартуке. В его дрожащей руке тускло коптил фонарь, выхватывая из мрака перепуганное, изборожденное морщинами лицо.

— З-закрыто! — сорвавшимся от страха тенорком крикнул Архип, смешно раскинув руки в попытке загородить узкий проход. — Господина нет дома! Уходите, барышня, по добру по здорову, не то жандармов кликну!

София даже не сбилась с шага. Ее лицо оставалось непроницаемой фарфоровой маской. Она просто позволила микроскопической доле своей восстановившейся ауры А-ранга просочиться наружу. Воздух мгновенно вымерз. Деревянные ступени крыльца прямо на глазах

покрылись колючим слоем серебристого инея, который с хищным треском пополз вверх по стенам. Дыхание старика превратилось в густые клубы пара. Он поперхнулся собственными угрозами, его слабые колени предательски подогнулись под чудовищным давлением чистой стихийной силы. Инстинкт самосохранения сработал безотказно: старик с тихим скулежом вжался спиной в стену, втягивая голову в плечи и освобождая путь.

— Я прекрасно знаю, что он дома, — бросила София, проходя мимо трясущегося слуги и обдав его запахом дорогого парфюма и смертельного мороза. — Можешь не докладывать. Я сама найду дорогу.

Внутри разрушенной усадьбы царил плотный мрак, но пульсация Синергии вела ее как идеальный навигатор. За неприметной панелью обнаружилась узкая винтовая лестница, уходящая в недра земли. С каждым шагом вниз спертый запах подвальной сырости сменялся чем-то совершенно иным. Тонким, будоражающим кровь ароматом старого пергамента, эфирных благовоний и густой, концентрированной магии, веками копившейся в закрытом пространстве. От этой плотности эфира по коже бежали мурашки, а внизу живота стягивался тугой, горячий узел предвкушения.

Перешагнув порог, София замерла. Идеальная выдержка аристократки дала сбой. Вместо ожидаемого сырого подвала перед ней раскинулся циклопический зал, залитый ровным голубоватым светом десятков эфирных ламп. Ее цепкий взгляд, натренированный лучшими финансистами клана, мгновенно просканировал помещение: массивные дубовые сундуки, доверху набитые сияющими золотыми червонцами, и бесконечные ряды стеллажей из черного дерева. Стеллажей, хранящих фолианты и свитки, которые Империя считала безвозвратно уничтоженными вместе с родом Коростылёвых. Но уже через секунду все это богатство перестало иметь значение.

Ее взгляд сфокусировался на одной точке. В самом центре затерянного великолепия, прислонившись бедром к мраморному аналою, стоял Илья. Свой изодранный, пропитанный чужой черной кровью и воняющий озоном сюртук он уже скинул. Сейчас он остался в одной белой рубашке, небрежно расстегнутой на груди. Рукава были закатаны до локтей, открывая жилистые предплечья, на которых отчетливо темнели свежие гематомы от перенапряжения после рубилова на проспекте. В одной руке он лениво, ритмично подбрасывал старинную золотую монету.

Он обернулся на звук ее шагов. В полумраке его глубокие глаза казались абсолютно черными, поглощающими свет.

— Я же, кажется, предельно ясно сказал Архипу никого не пускать, — задумчиво произнес Илья. Его низкий баритон резонировал с древними каменными сводами подвала. Звонкий щелчок — и монета исчезла в его крепком кулаке. — Придется лишить старика квартальной премии за профнепригодность.

— Он честно и самоотверженно пытался выполнить инструкцию, — София грациозно, словно хищная кошка, спустилась с последних ступеней. — Но против прямого аргумента в виде обморожения второй степени у него, увы, не нашлось весомых контраргументов.

— Жестоко, Ваша светлость. Вы разбрасываетесь ценными кадрами.

— Прагматично, Коростылёв, — парировала она, останавливаясь в нескольких шагах от него и скрешивая руки на груди. — Кадры должны знать свое место в пищевой цепи.

Они молча смотрели друг на друга в звенящей тишине огромного зала. Без притворных социальных масок и фальшивых улыбок светских раутов. Абсолютное, смертоносное оружие А-ранга и ее нерушимый, поглощающий щит. Воздух между ними искрил от статического напряжения. Магия внутри Софии, почуяв свой идеальный якорь, радостно, по-звериному взревела, требуя немедленно сократить дистанцию до нуля.

София медленно повела плечами и еще раз красноречиво обвела взглядом колоссальное хранилище.

— Я вижу, ты успешно вступил в права наследования. И Система тебя не испепелила. Мои искренние поздравления, — в ее голосе проскользнула холодная деловая хватка. — Этот капитал... Он меняет правила игры на доске.

— Капитал — это лишь базовый инструмент масштабирования бизнеса, София. Бумага и металл, не более, — Илья оттолкнулся от аналоя и сделал плавный шаг к ней. Дистанция сократилась до критической отметки. От него одуряюще пахло мужским потом, адреналином, старой пылью веков и чем-то первобытным, темным, что заставляло сердце Софии биться на грани болезненной тахикардии.

— Настоящий актив, не имеющий цены, мы с тобой приобрели час назад на Вознесенском проспекте. Ты ведь тоже это прекрасно чувствуешь, да? Системное уведомление. Оно пришло не только мне.

София почувствовала, как перехватывает дыхание. Ее идеальная, выкованная годами муштры аристократическая выдержка дала заметную трещину.

— Обмен генетическими матрицами, — тихо, почти шепотом произнесла она, не отводя взгляда от его темных глаз. — Ты взломал мой источник. Получил прямой доступ к корневой архитектуре моей магии. К родовым техникам Вяземских, за секрет которых мы вырезаем конкурентов семьями.

Вместо словесного ответа Илья поднял правую руку ладонью вверх. Он не стал использовать свой привычный удушливо-горячий Резонанс. Воздух над его раскрытой ладонью внезапно пошел плотной рябью, температура локально рухнула вниз с такой скоростью, что влага кристаллизовалась. С звенящим хрустом из пустоты сооткался бритвенно-острый ледяной шип. Но он не был привычно прозрачно-голубым: внутри куска льда, словно запертый огонь, зловеще пульсировала темная, фиолетовая сердцевина. Гибридная магия высшего порядка. Родовой Абсолютный ноль Вяземских, помноженный на доминирующую энергию багровой Синергии Коростылёвых.

София заворуженно смотрела на вращающийся шип. Это было чистым кощунством и величайшим преступлением против незыблемых законов Империи. Чужак, бесстатусный мусор с F-рангом из уничтоженного рода играючи, с первой попытки воссоздал их клановую технику.

Илья хищно усмехнулся и резко сжал кулак. Ледяной шип со звоном осыпался на черный мрамор мерцающей фиолетовой пылью.

— Мы стали сообщающимися сосудами, София, — его глубокий баритон ударил по ее оголенным нервам, заставляя внутренности сжаться в сладком спазме. — Синергия работает в обе стороны. Безупречная архитектура заклинания, к слову. Ваш род сотни лет оттачивал этот код. Но теперь он есть и в моей базе данных.

Она вздернула подбородок, возвращая самообладание.

— Если об этом узнает Служба Безопасности, нас обоих сотрут в порошок. Казнят без суда и следствия в подвалах инквизиции.

— Именно поэтому они никогда ничего не узнают, — Илья подошел еще ближе, вторгаясь в ее личное пространство. — До тех пор, пока мы сами не решим, что пришло идеальное время провести... скажем так, агрессивное слияние Великих Домов.

София хищно усмехнулась. Ее прозрачные глаза сверкнули в полумраке азартом хищника, почуявшего кровь.

— А ты до безумия амбициозен, Коростылёв. Час назад ты готов был сдохнуть в переулке, отбиваясь от гончих, а сейчас стоишь посреди клановой сокровищницы с таким видом, будто планируешь скупить всю Империю на корню. Рейдерский захват государства?

— Я всегда мыслю исключительно масштабно. Просто раньше у меня не было ни стартового капитала, ни... — его тяжелый, голодный взгляд скользнул по ее шее и остановился на

губах, на которых все еще алела ссадина от их первого поцелуя выживания. — ...ни подходящего партнера с контрольным пакетом акций.

Слово «партнер» повисло в наэлектризованном воздухе, как брошенная перчатка. София сделала полшага вперед. Дистанция сократилась до минимума. Ей приходилось слегка задирать голову, чтобы смотреть прямо в его жесткое лицо. Она чувствовала, как жар его тела прошивает ее даже сквозь плотную ткань пальто.

— Мой клан — это змеиное гнездо, Илья. Гадюшник, где каждый улыбается тебе, держа нож за спиной, — в каждом ее слове звенел тщательно сдерживаемый гнев, копившийся годами унижений. — Мой родной отец видел во мне лишь бракованный инструмент. Сломанный клинок, который он собирался выгодно продать через политический брак, как только моя нестабильность стала бы очевидной. Мои братья спят и видят, как я сдохну от магического истощения, чтобы поделить мои доли в корпорациях.

Она сжала кулаки.

— Но теперь я здорова. Впервые в жизни я полностью контролирую свою силу. И когда я начну возвращать себе влияние в семье, давить братьев и конкурентов, отец быстро поймет, что что-то изменилось. Они начнут копать. Искать причину. Мне нужен не просто живой щит от магической отдачи. Мне нужен полноправный, теневой партнер. Человек, который будет жестко прикрывать мне спину там, куда не дотягивается белая перчатка Ледяной княжны.

— Согласен, — Илья не отступал, мгновенно переключаясь в режим сухой деловой хватки. — А мне жизненно необходима легализация. Мое золото, артефакты и древние знания в этом подвале ровным счетом ничего не стоят, пока в глазах Системы я — нищий студент с мусорным рангом. Если я начну сорить имперьями или демонстрировать высшую магию на улицах, инквизиция придет за мной на следующий же день. Мне нужна непробиваемая «крыша». Мощный спонсор, который за ручку введет меня в высший свет и легализует мои активы, сделав их чистыми.

София задумчиво прикусила нижнюю губу, невольно задев языком саднящую ранку. Взгляд Ильи тут же потемнел, и София, выросшая среди дворцовых интриг, безошибочно уловила этот секундный сбой в его железном самоконтроле. Глубоко внутри нее проснулось первобытное женское торжество. Она не была покорной рабыней его Резонанса. Они оба были опасными хищниками, запертыми в одной клетке, и эта тесная клетка им чертовски нравилась.

— Грядет ежегодный Имперский Турнир Академии, — медленно, расставляя слова как фигуры на шахматной доске, произнесла она. — Традиционно студенты А-ранга из Великих Домов имеют право взять себе в команду одного личного вассала для участия в групповых боях. «Щитonosца». Официально это позиционируется как почетная должность для талантливых простолюдинов. Неофициально — это старый проверенный способ легализовать нужных, опасных людей в обход имперской бюрократии.

Илья одобрительно хмыкнул.

— Ты хочешь сделать меня своим официальным вассалом? Ввести в личную свиту на глазах у всей Академии и твоего всесильного отца? Выставить перед камерами как ручную собачку? Это дерзко. И очень рискованно.

— Это логично и максимально эффективно, — отрезала София. — Под официальным статусом моего личного человека ты автоматически получаешь дипломатическую неприкосновенность от мелких сошек из СБ и жандармерии. Никто в здравом уме не посмеет тронуть личную собственность наследницы Вяземских без санкции Императора. Более того, через подставные счета моего благотворительного фонда мы сможем аккуратно отмыть твое золото и вложить его в легальные предприятия столицы. Акции, недвижимость, заводы.

— Легализация криминальных доходов через счета аффилированного лица под прикрытием аристократического иммунитета, — Илья медленно кивнул, его глаза хищно блеснули в

полумраке. — Классическая схема. Мне чертовски нравится этот бизнес-план. Что я должен отдать взамен?

— Взамен ты выигрываешь для меня этот Турнир, Коростылёв, — София гордо вздернула подбородок. Ее аура на мгновение вспыхнула холодным, подавляющим величием истинной аристократки. — Ты будешь стоять у меня за спиной на Арене и питать меня своей силой. Мы вдвоем покажем им такую чудовищную мощь, от которой содрогнутся трибуны и Императорская ложа. Я хочу, чтобы мой отец отчетливо понял: я не сломанный клинок, который можно списать в утиль. Я — абсолютное оружие. И отныне сама буду диктовать условия своего будущего.

Она протянула ему узкую ладонь, затянутую в шелковую перчатку. Традиционный жест аристократии при заключении нерушимых деловых союзов.

— Договор?

Он посмотрел на протянутую руку, затем перевел тяжелый взгляд на ее лицо. Илья мог бы сыграть в благородство и чинно пожать ей руку. Но он был Коростылёвым. Наследником кукловодов. Рейдером, только что получившим контрольный пакет акций. Вместо того чтобы вежливо коснуться ее пальцев, он сделал резкий шаг вперед, вторгаясь в ее личное пространство до конца.

Он уверенно прижал её к себе и запечатлел её губы в страстном поцелуе. София не ответила с жаром, после пережитого им было необходимо утонуть в объятьях друг друга.

Илья усадил ее на полку одного из стеллажей, его руки властно и непреклонно исследовали её тело, пока не добрались до её насквозь мокрых трусиков. Он сорвал их абсолютно не сдерживаясь. Ведь только этот кусок ткани отделял её от него. Его пальцы проникли в её мокрую киску твердо и уверенно, когда его руки начали массировать её клитор, София не смогла сдержать стон. Она просунула руку к нему в штаны, схватив его за член.

— Скорее — простонала София, кусая Илью за ухо.

Он не стал ждать, а вошел в нее одним рывком. София почувствовала, как внутри что-то с треском разорвалось — острая, разрывающая боль пронзила низ живота, заставив ее выгнуться дугой и задохнуться. Это был не просто секс, это было насилие над самой ее природой, преодоление физического предела. Но вместо того, чтобы сломаться, София превратила эту боль в топливо. Ее ледяная магия, обычно холодная и расчетливая, вспыхнула внутри яростным пламенем, притупляя шок и превращая разрыв плоти в жгучее, пульсирующее возбуждение.

— Смотри на меня, ты теперь моя! — прохрипел он, и в этом приказе было больше власти, чем во всех законах их мира.

Он зафиксировал ее, впившись в ягодицы так сильно, что пальцы утонули в мягкой девичьей плоти. Илья начал двигаться. Это была война за доминирование. Каждый толчок был глубоким, до самого предела, заставляя ее киску содрогаться от давления. Он намеренно выбирал угол, при котором его член с силой входил как можно глубже. София содрогалась, ее спина раз за разом ударялась о жесткую полку, и эта тупая боль лишь сильнее разжигала огонь внизу живота.

Она ответила ему с той же яростью. Когда его зубы с хрустом прокусили кожу на ее плече, София не вскрикнула — она зарычала. Ее пальцы впились в его широкую спину, и она с наслаждением почувствовала, как ногти разрывают кожу. Горячая кровь Ильи покрыла ее ладони, став первым физическим скреплением их союза. Она чувствовала, как напрягаются его мышцы под ее пальцами, как он вибрирует от сдерживаемого стоны, и это давало ей ощущение абсолютной власти.

— Ты тоже мой, Коростылёв, — выдохнула она и в этот момент сжала внутренние мышцы мертвой хваткой, буквально зажав его член в тиски и лишив остатков самообладания.

Илья глухо застонал, его глаза потемнели. Он схватил ее за бедра и рывком притянул к себе, фактически подняв с полки и заставив обхватить его поясницу ногами. Теперь она висела

на нем, полностью отдаваясь его сильным рукам, а он врывался в нее с животной силой, чтобы проникать еще глубже, еще беспощаднее. Каждый толчок сопровождался глухим, тяжелым звуком столкновения их тел.

София прижала его к себе так крепко, что между ними не осталось даже воздуха. Она чувствовала, как его член пульсирует внутри, становясь все больше и заполняя ее до краев. Она яростно впилась зубами в его шею, чувствуя вкус соли и металла, оставляя глубокий рваный след, клеймя его как свою собственность.

Ритм стал безумным. Илья больше не сдерживался; он двигался в рваном, агрессивном темпе, выбивая из Софии сдавленные всхлипы и гортанные стоны. Боль от первого разрыва, жжение от крови и неистовое давление слились в один экстаз.

Когда на нее обрушился оргазм, он был подобен взрыву. София почувствовала, как все внутри сжимается в конвульсиях, сжимая его член. В этот миг ее ледяная магия, до этого сдерживаемая железной волей, вырвалась наружу ледяным штормом. Воздух вокруг них мгновенно замерз, эбеновое дерево покрылось инеем, а мраморный пол под ними треснул.

Илья физически ощутил этот холод — он ворвался в него вместе с ее криком, пробивая защиту и проникая в самые глубокие энергоканалы. Но его собственный багровый огонь не отступил. Он сработал как идеальный бэкэнд, жадно принимая этот чудовищный массив чужой силы. Это была не просто смесь стихий, а жесткая системная интеграция: багровый Резонанс взламывал ее идеальную ледяную структуру, вплетаясь в исходный код, компилируя новый смертоносный гибрид. Огонь и лед не плавил друг друга — они сливались в единый алгоритм, создавая ослепительную фиолетовую вспышку, которая пронизывала их общие вены, выжигая все лишнее и оставляя только абсолютную, неразрывную связь двустороннего доступа.

С диким, почти звериным рыком Илья сделал последний, самый глубокий толчок, входя в нее до упора. Он кончил мощными, обжигающими толчками, заполняя её своим семенем. В этот момент фиолетовые руны на стенах вспыхнули с такой силой, что в подвале на мгновение стало светлее, чем днем. Магия Синергии запечатала их союз, связав их кровью, потом и общим экстазом.

Илья Коростылёв

Когда тонированный автомобиль Софии бесшумно растворился в предрассветном тумане, я медленно спустился по крутой лестнице обратно в свое хранилище. Мое избитое тело гудело от выматывающей усталости, исполосанную ногтями спину приятно саднило при каждом движении, но разум оставался кристально чистым, расчетливым и обжигающе холодным.

Жесткий секс с Софией, впечатанной в древний стеллаж, не был банальной животной разрядкой после пережитого стресса. Это была финальная, нерушимая печать на нашем контракте. Я физически чувствовал ее постоянное присутствие на краю своего сознания — спокойное дыхание ее могущественного ледяного источника, который после эмпатического слияния стал полноправной частью моей собственной архитектуры.

Я подошел к центральному мраморному аналою и еще раз посмотрел на открытый дневник Патриарха. «Симбионт — это пустой сосуд, обретший идеальную форму. Ты сможешь плести их стихию так же легко, как это делают они сами».

Мой внутренний прагматик-капиталист предвкушающе потирал руки. У меня был прямой, ничем не ограниченный административный доступ к высшей магии клана Вяземских. Интеллектуальная собственность целого Великого Дома лежала передо мной на блюдечке. Оставалось выполнить лишь одну «мелочь» — грамотно интегрировать этот чужой, мощный программный код в собственную слабую операционную систему.

Сняв с ближайшего стеллажа тяжелый фолиант «Анатомия чужого дара», я уселся по-турецки прямо на холодный мраморный пол и раскрыл книгу. Текст изобилдовал сложнейшими схемами энергетических узлов, векторами направления потоков маны и трехэтажными формулами плотности эфира. Для 99% магов Империи, привыкших колдовать по наитию, это была

бы абсолютно нечитаемая китайская грамота. Но для моего корпоративного разума, в прошлой жизни годами выстраивавшего гигантские базы данных и занимавшегося отладкой IT-архитектуры банков, это была просто очередная техническая документация к новому софту.

Вся их хваленая магия — это не мистика, а чистый, структурированный код. Энергоканалы в теле человека — аппаратный бэкэнд, серверная часть. А заклинания, вырывающиеся в реальный мир — всего лишь фронтенд, пользовательский интерфейс.

Быстро просканировав раздел, касающийся компиляции чужой стихии, я захлопнул книгу. Базовая теория загружена. Синтаксис понятен. Пора переходить к практическому бета-тестированию функционала.

Поднявшись на ноги, я вышел на середину зала. Вытянул правую руку, глубоко вздохнул и ментально обратился к бездонному резервуару льда, который мирно пульсировал внутри меня через двустороннюю связь с Софией.

Запрос к серверному узлу: Лед/Абсолют. Авторизация пользователя: Синергия (Статус: Симбионт). Формирование рабочего конструкта: Базовый ледяной шип. Вывод на периферию.

Я дозированно направил свой послушный багровый Резонанс, чтобы он, как идеальный программный маршрутизатор, подхватил энергию Вяземской и плавно вывел ее в физический мир. Ментальная формула была выстроена идеально. Код написан без единой ошибки.

Но, ослепленный открывшимися перспективами, я забыл учесть критически важную деталь при внедрении любого нового софта. Аппаратное обеспечение. Железо.

Как только чудовищно концентрированная мана А-ранга хлынула из резервуара в мои физические энергетические каналы, меня в долю секунды скрутило пополам. Это было похоже на то, как если бы по старым, насквозь проржавевшим трубам внезапно на полную мощность пустили поток жидкого азота под давлением в тысячу атмосфер. Мои нетренированные энергоканалы F-ранга вспыхнули такой разрывающей плоть болью, что из горла вырвался хриплый крик агонии.

Над трясущейся ладонью с оглушительным треском начал формироваться ледяной кристалл, но он был совершенно не похож на тот идеальный шип, что я показывал Софии. Сейчас это было уродливое, бугристое образование. Смертоносный лед и мое пламя отказывались сливаться в гармоничный цвет. Из-за недостаточной пропускной способности моих каналов они застряли в «бутылочном горлышке» и яростно воевали друг с другом, разрывая плоть изнутри. Хрупкие капилляры на предплечье лопнули один за другим, веером окрасив белый рукав горячей кровью. Кожу покрыли жуткие, вздувшиеся синие полосы перегруженных вен.

Я попытался экстренно отменить заклинание, остановить процесс компиляции, но инерция потока А-ранга была слишком велика. Нестабильный ледяной шип переполнился энергией и с влажным хрустом взорвался прямо в руке, осыпав лицо сотнями режущих осколков. Взрывная волна отбросила меня назад.

С глухим стуком рухнув на колени, я судорожно глотал пыльный воздух, прижимая изувеченную руку к груди. В глазах потемнело, во рту появился тошнотворный вкус крови. Я хрипло закашлялся, выплевывая на безупречный мрамор густую слюну. Дыхание со свистом вырывалось из обожженных легких.

Я сидел на корточках посреди сокровищницы и истерично, захлебываясь кашлем, смеялся над собственной глупостью. Какой же я самонадеянный идиот. В суровом бизнесе не бывает халявы. Никаких «роялей в кустах».

Мой разум, мой корпоративный «софт», обладал всеми правами администратора. Но мое физическое тело — мое жалкое человеческое «железо» — оставалось откровенным мусором. Узкие каналы тощего парня просто физически не могли пропустить через себя плотность магии высшей аристократии, не порвавшись в кровавые клочья. Да, мой Резонанс мог выступать идеальным щитом-громоотводом для Софии, но он не делал мое собственное биологическое тело неуязвимым к пропускаемой мощи.

Масштабирование проблемы вырисовывалось пугающим. Если я попытаюсь выдать что-то мощнее нестабильной сосульки на Турнире, меня просто разорвет на кровавые куски изнутри раньше, чем противник успеет поднять меч. Я стану посмешищем и трупом в одну секунду.

С огромным трудом поднявшись на дрожащие ноги, я тяжело оперся спиной о стеллаж. Правая рука нещадно пульсировала, густая кровь медленно падала на черный пол.

Я провел суровую инвентаризацию активов. Капитал в кармане. Партнерша с контрольным пакетом акций и сумасшедшим боевым потенциалом на моей стороне. Полный доступ к технологиям конкурентов открыт. Но чтобы пустить это великолепие в дело, не сдохнуть на Арене и защитить свой статус, мне придется пройти через персональный филиал ада. Мне нужно не зубрить теорию — мне нужно выжить, физически расширить и выковать заново собственные энергетические каналы. Миллиметр за миллиметром. Через агонию, через разорванные сосуды и тысячекратные повторения.

Легкой прогулки к вершине власти не предвиделось. Чтобы стать кузнецом богов, сначала придется очень долго и больно поработать бесправной наковальней, по которой бьют кувалдой.

Стиснув окровавленные зубы до скрежета и игнорируя вопль разорванных мышц, я оторвался от стеллажа и упрямо вытянул трясущуюся руку вперед.

— Еще раз, — глухо прохрипел я пустому залу, глядя на залитую кровью ладонь. — Запуск алгоритма. С самого начала. Компиляция.

Глава 7. Испытание на прочность

Илья Коростылёв

Утро началось с изощренной, выматывающей агонии. И это была вовсе не привычная мышечная усталость после тяжелой тренировки или тупая ломота от старых травм. Нет, это было пульсирующее, жгучее чувство — словно мне под кожу плеснули кипящим свинцом впоремешку с битым стеклом, а потом пустили по венам ток. Я стоял под ледяными струями душа в уцелевшей ванной своей разрушенной родовой усадьбы. Ржавая вода с металлическим привкусом била по плечам, но не приносила ни малейшего облегчения: настоящий пожар полыхал глубоко внутри, выжигая саму энергоструктуру.

Стиснув челюсти до зубовного скрипа, я методично разминал изувеченную правую руку. Вчерашний выброс чужой магии высшего порядка едва не выжег мои узкие, нетренированные каналы подчистую, порвав капилляры. Синяки на предплечье выглядели жутко, переливаясь черно-фиолетовыми оттенками — будто руку медленно прокрутили через промышленные жернова. А исполосанная ногтями Софии спина отзывалась саднящим огнем при каждом движении.

Фантомное ощущение ее влажного, невыносимо горячего тела, жадно сжимающего меня в темноте хранилища, все еще сводило с ума. Я прикрыл глаза, прижавшись горячим лбом к спасительно-холодному кафелю, и память услужливо подкинула обрывки прошлой ночи. Запах старой пыли, высохшей крови и ее терпких, дорогих духов. Солоноватый привкус на губах, когда я прокусил нежную кожу на ее плече, ставя свое клеймо. Ее первобытный, гортанный рык и та мертвая, сводящая с ума хватка внутренних мышц, выбившая из моего расчетливого разума последние остатки контроля. В этом диком, балансирующем на грани насилия слиянии мы оба оказались и победителями, и проигравшими, добровольно сдавшись друг другу.

Я мысленно потянулся к нашей новообразованной связи. На самом краю сознания отчетливо и монументально ощущалось ровное, обжигающе-холодное дыхание ее ледяного источника — теперь моего личного, неисчерпаемого резервуара силы. Стоило только о ней подумать, как внизу живота мгновенно стянулся тугой узел темного вожделения, а багровое пламя внутри радостно вспыхнуло, требуя немедленно сократить дистанцию и снова оказаться в ее жаркой тесноте.

— Тихо, — хрипло процедил я, резко выкручивая вентиль и перекрывая воду. — Рано.

Проблема крылась в несовершенстве моего собственного тела. Стоило вчера в подвале попытаться пропустить через себя хотя бы каплю её концентрированной энергии, как плоть тут же скрутило болезненной судорогой. Мои ущербные каналы F-ранга просто физически не выдерживали такой мощи — они грозили лопнуть, как дешевые пластиковые трубы под гидравлическим прессом. Чтобы использовать магию Вяземских в бою и не сгореть заживо от перегрузки, мне предстояла долгая, поистине адская работа. Придется раз за разом рвать собственные каналы её чудовищной силой, восстанавливать их на пределе регенерации и рвать снова, пока они не станут по-настоящему широкими, гибкими и несокрушимыми. Истинная мощь не дается даром — она всегда требует крови и жестоких жертв.

Выйдя из ванной, я натянул потертую форму Академии: жесткое темно-синее сукно, тусклые медные пуговицы, никаких родовых гербов и статусных эполетов. На груди сиротливо серела нашивка «F» — клеймо генетического мусора в мире, где чистота крови и объем маны решали всё: будешь ты править или прислуживать.

Глянув в треснувшее зеркало на свое осунувшееся, бледное лицо и скрытые под плотной тканью синяки, я лишь криво усмехнулся. Идеальный камуфляж. Никому из местной потомственной элиты даже в страшном сне не привидится, какой хищник сейчас прячется под этой дешевой курткой.

Академия встретила меня привычным, раздражающим гулом сотен голосов, стойким запахом дорогого кофе и тяжелого селективного парфюма. Гротескное величие кампуса с его высокими стрельчатыми сводами и мраморными полами, в которых, как в зеркале, отражались начищенные ботинки будущих хозяев жизни, давно перестало меня впечатлять. Долгие годы этот напыщенный мир оставался для меня лишь враждебной территорией, сложной локацией, где приходилось ежедневно выживать, просчитывая каждый шаг.

Я шел по широкому коридору, привычно сливаясь с серой массой таких же бесталанных студентов. Опушенный взгляд, чуть ссутуленные плечи, неспешный шаг — образ покорного невидимки работал безотказно. Жесткая иерархия здесь определялась еще до рождения: на самой вершине шли напролом Великие Дома и А-ранги, заставляя толпу расступаться, а за ними сустились средние кланы, с садистским удовольствием отыгрываясь на слабых ради компенсации собственной ущербности.

— Эй, Коростылёв! — раздался резкий, бьющий по ушам насмешливый оклик.

Я неслышно выдохнул, ментальным усилием осаживая клокочущую внутри багровую силу, так и норовившую вырваться наружу при малейшей провокации. Очередная пустая помеха. Путь мне преградил Воронцов — стихийник Огня С-ранга, вечно пытающийся прыгнуть выше головы и доказать собственную значимость. На его идеально выглаженной форме сверкали серебряные эполеты, а за спиной, словно приклеенные, жались двое прихлебателей из D-рангов.

— Ты оглох, мусор? — он нагло шагнул в мое личное пространство. На его раскрытой ладони с гудением заплесал агрессивный огненный шар, выжигая кислород, и в воздухе отчетливо запахло перегретым металлом и гарью. — Слышал, на Вознесенском проспекте вчера ночью была жесткая зачистка. Инквизиция гоняла какую-то теневую нечисть. Как ты вообще до развалин своих добрался и не обделался по дороге, F-ранговый?

Его свита позади услужливо и мерзко загоготала, предвкушая мое унижение. Я же абсолютно спокойно посмотрел на его пламя. Слабая, рваная структура, сотканная наспех, с огромными потерями энергии на банальный обогрев воздуха.

Физически ощущая внутри натянутую, как струна, связь с Софией, я понимал, что могу прямо сейчас, не меняя выражения лица, выпустить каплю ее Абсолютного льда под своим резонансом и отморозить Воронцову руку по самый локоть, пускай и ценой травмирования своих каналов. Его жалкий, нестабильный огонек просто бы схлопнулся от перепада температур. Но минутный триумф не оправдывал глобальную цель. Раскрыть свои козыри раньше времени — значит проиграть все и отправиться в пыточные подвалы Инквизиции.

— Повезло, Ваше сиятельство, — максимально безэмоциональным тоном ответил я, глядя ему в район подбородка и демонстрируя покорность. — Успел вовремя спрятаться в подворотне. Разрешите пройти, звонок на лекцию через две минуты.

— Скучный ты, Коростылёв, — Воронцов презрительно скривился, потеряв ко мне всякий интерес, и огонь на его руке с влажным шипением погас. — Даже не дрожишь. Пнуть тебя — и то неинтересно, никакого удовлетворения. Исчезни с глаз моих.

Молча обогнув его плечо, я пошел дальше по коридору. Уязвленная гордость — удел тех, кто не способен мыслить на несколько ходов вперед.

Мое время триумфа придет на Арене.

Лекция по теории стихийных потоков проходила в огромном, уходящем вверх амфитеатре. Сухой седой профессор Штерн распинался у гигантской голографической доски, то и дело выводя сложные формулы.

— ...именно поэтому, господа студенты, прямое смешение противоположных стихий, таких как Огонь и Вода, абсолютно невозможно без использования сложнейших внешних артефактов-стабилизаторов, — монотонно вещал он на весь зал. — Прямой контакт этих антагонистических энергий внутри энергоканалов живого мага неминуемо приведет к фатальному

отторжению и мощнейшему внутреннему взрыву. Заклинателя просто разорвет на куски. Сама природа магии не терпит подобного слияния.

Сидя на самом последнем, «дешевом» ряду, я делал вид, что прилежно строчу конспект, но внутри поднималась темная, торжествующая волна смеха. Я прекрасно помнил ту обжигающую, ослепительную фиолетовую вспышку в подвале. Помнил, как мой багровый Резонанс и абсолютный лед Софии слились воедино, создав нечто пугающе совершенное, намертво скрепленное пролитой кровью, невыносимой болью и диким, срывающим крышу оргазмом.

Мы уже сломали эти ваши незыблемые законы мира. Бросив взгляд вниз, на первые ряды амфитеатра, я легко нашел глазами Софию. Ее спина была прямой, как натянутая струна. Идеально уложенные платиновые волосы, безупречная форма с золотым, переливающимся на свету гербом Вяземских. Ледяная княжна — неприступная, высокомерная и абсолютно холодная для всех окружающих. Никто в этом душном зале даже в самых смелых, грязных фантазиях не мог представить, что именно скрывается за этой идеальной фарфоровой маской. Никто из них не знал, как эта надменная аристократка прошлой ночью до синяков впивалась в меня, выгибалась на жестком дереве стеллажа, рыча от первобытной страсти, отдаваясь мне со всей своей ледяной яростью и умоляя потемневшим взглядом взять ее еще жестче и глубже.

От одних только ярких воспоминаний о ее тесноте внизу живота снова сладко и тяжело потянуло, а пламя внутри ядра голодно запульсировало, отзываясь на образы. Она была моей главной, самой рискованной победой. А я — ее. И сегодня мы начнем нашу жестокую партию перед всем этим лицемерным миром.

София Вяземская

Я проснулась от того, что мне впервые за долгие годы было... жарко. Это чувство оказалось настолько странным, забытым и почти инородным, что я несколько долгих секунд просто лежала с закрытыми глазами на прохладных шелковых простынях, не веря собственным ощущениям. Вся моя сознательная жизнь после болезненного пробуждения родового дара была пропитана пронизывающим, не отступающим ни на секунду вечным холодом. Мой нестабильный, дефектный источник А-ранга медленно, но верно вымораживал меня изнутри, год за годом превращая кровь в ледяную крошку и убивая нервные окончания. Но сейчас этого убийственного озноба не было. Вместо него глубоко в груди, там, где располагался магический узел, ровно, надежно и мощно пульсировал чужой живой огонь. Пламя Ильи Коростылёва сплелось с моей аурой, став тем самым невидимым щитом, поглощающим всю смертоносную отдачу моего собственного дара, которую я раньше терпела стиснув зубы.

Медленно открыв глаза, я потянулась, с удовольствием чувствуя, как каждая мышца отзывается тупой, но до одурения приятной, тянущей болью. Внутренние поверхности бедер невыносимо ныли после нашей ночи. Откинув тяжелое одеяло, я провела кончиками пальцев по бледной коже. На плече отчетливо, ярким пятном выделялся багрово-синий след от его зубов — не просто укус, а клеймо принадлежности. На талии и бедрах темнели следы от его безжалостных, жестких пальцев, которыми он удерживал меня.

Дрожь неконтролируемого, темного вождения прошла тело от затылка до пят, а воспоминания о ночи сбили и без того неровное дыхание. Это было потрясюще дико и грубо. Илья не пытался быть нежным и обходительным любовником — он брал меня штурмом, безжалостно ломал выстроенные барьеры и вбивался с такой животной силой, словно желая физически подчинить себе саму мою душу. И я, сбросив маску аристократки, отвечала ему тем же. Рвала его смуглую кожу, чувствовала металлический вкус крови и сжимала его внутри себя так, что с упоением видела, как мутнеют его черные глаза от безумного, накачивающего наслаждения. Наши стихии устроили внутри тел настоящую бурю, сопротивляясь друг другу, прежде чем окончательно сплестись в фиолетовый, пульсирующий узор Синергии.

Закусив губу до боли, я почувствовала, как между ног снова становится нестерпимо влажно от одних только мыслей о его тяжелых, властных толчках.

Осторожный стук в дубовую дверь прервал наваждение. Робкий голос личной служанки сообщил, что Патриарх ожидает меня к завтраку в семейном крыле. Мгновенно вернув на лицо привычную, абсолютно непроницаемую маску Ледяной княжны и спрятав компрометирующие укусы под плотным шелком сорочки, я велела подготовить парадную форму Академии.

Встав с кровати, я ради эксперимента щелкнула пальцами. Идеально ровный, бритвенно-острый ледяной кинжал соткался в воздухе за сотую долю секунды. Никакой болезненной отдачи. Никакого падения температуры тела. Илья, словно идеальный живой громоотвод, забирал всё избыточное напряжение через нашу энергетическую связь. Я была абсолютно здорова.

Завтрак в особняке Вяземских, сколько я себя помню, всегда напоминал холодную позиционную войну. Массивный стол из красного дерева, дорогой хрусталь и ядовитая, звенящая от невидимого напряжения тишина. Во главе стола, подобно гранитному монолиту, восседал мой отец, Патриарх клана Владимир Вяземский. Справа от него расположились старшие братья, Александр и Дмитрий, как всегда смотревшие на меня со скрытым раздражением и плохо маскируемым презрением. Для них я была лишь бракованной обузой, чьи финансовые доли в корпорациях они уже давно мысленно поделили между собой.

— Доброе утро, отец. Братцы, — грациозно опустившись на стул, я позволила слуге налить мне черный кофе.

— София, — Патриарх даже не соизволил оторвать взгляда от аналитических сводок на планшете, — лечащие маги докладывают мне, что динамика твоего ядра по-прежнему нестабильна. Ты выглядишь слишком бледной.

Александр гаденько усмехнулся, отправляя в рот кусок стейка.

— Может, сестренке пора взять академический отпуск и лечь в закрытую клинику? Нечего позорить клан своими обмороками.

— Или нам стоит значительно ускорить переговоры с кланом Юсуповых? — добавил отец, нанося давно заготовленный политический удар. — Их старший сын срочно ищет жену для продолжения рода и готов закрыть глаза на твой... дефект, в обмен на передачу прав на наши северные рудники. Брак состоится через месяц.

Я замерла с кофейной чашкой в руке, чувствуя, как внутри стремительно закипает лед. Они на полном серьезе собирались продать меня в соседний клан, словно племенную кобылу, пока я окончательно не сломалась. Внутри взревело первобытное бешенство, и багровое пламя Илья, мгновенно откликаясь на мою ярость через связь, полыхнуло по венам, даря небывалое, пьянящее ощущение абсолютной мощи. Захотелось прямо сейчас заморозить кровь в их жилах, заставив захлебнуться собственным спесивым высокомерием.

Но я была истинной Вяземской и умела держать удар в любой ситуации. Опустив чашку на блюдце без единого звука, я ответила предельно ровным голосом:

— Я прекрасно себя чувствую, отец. И замуж за Юсупова я не планирую выходить ни сейчас, ни через месяц. Более того, я намерена принять полноправное участие в грядущем Имперском Турнире Академии в качестве капитана боевой тройки нашего факультета.

Дмитрий поперхнулся красным вином и зашелся кашлем.

— Турнир? Ты совсем с ума сошла от своих зелий? Одно заклинание высшего порядка на Арене, и твое дефектное ядро просто треснет! Ты сдохнешь прямо там, опозорив весь клан!

Отец медленно скрестил пальцы, буравя меня потяжелевшим, давящим взглядом.

— Я не позволю тебе участвовать в этом фарсе.

— По правилам Имперской Академии, Патриарх не имеет законного права запретить совершеннолетнему студенту А-ранга выход на Арену, — я, не дрогнув, выдержала его взгляд. — Это мое законное право по рождению. У меня всё под абсолютным контролем.

Так и не притронувшись к еде, я отодвинула стул и покинула столовую, оставив их переваривать эту дерзость. Перед выездом в Академию я спустилась в свою личную, защищен-

ную рунами сокровищницу и извлекла из сейфа тяжелый жетон из черной стали с серебряным гербом Вяземских. Тот самый символ вассалитета, дававший любому простолюдину официальный статус личного защитника рода и полную дипломатическую неприкосновенность от властей и инквизиции. Сжав холодный металл в ладони, я впервые за долгое время искренне улыбнулась. Сегодня всё изменится.

Большой перерыв в Академии всегда безжалостно обнажал социальную иерархию. Главная Столовая была строго поделена на невидимые, но вполне осязаемые зоны влияния. Когда я вошла в колоссальный зал в сопровождении братьев и привычной свиты, гул сотен голосов мгновенно стих, а студенты почтительно расступались, спешно опуская глаза.

Я внимательно просканировала помещение. Внутреннее чувство, усиленное резонансом, безошибочно привело меня к цели. Илья Коростылёв сидел в самом дальнем углу, отведенном для низших рангов. Потертая форма, дешевый пластиковый поднос с соевой едой. Для всех окружающих снобов он выглядел как сломленный, нищий неудачник, не стоящий даже плевка. Но я-то знала правду. Через нашу ментальную связь я физически ощущала колоссальный, бушующий океан багрового огня, скрытый внутри его тела до поры до времени. Я помнила тяжесть его бедер, вьющуюся в жесткие пальцы кровь и хриплый, властный шепот, приказывающий смотреть только на него.

От одного только визуального контакта с Ильей по коже снова пробежала горячая волна, а внутри все болезненно сжалось от острой вспышки вожделения. Сделав глубокий вдох, я усилием воли усмирила бушующие эмоции. Мы союзники, связанные кровью и общей целью.

Я уверенно прошла мимо вип-зоны, оставив свою свиту в полном недоумении. Сотни глаз с нарастающим шоком смотрели, как я целенаправленно иду в грязный сектор для низших рангов.

Подойдя к его столу, я остановилась. Илья медленно поднял голову. В его черных как смоль глазах не было ни трепета, ни страха перед моим статусом — только оценивающий, расчетливый взгляд абсолютно спокойного хищника. В звенящей, напряженной тишине зала я достала матово-черный жетон и демонстративно разжала пальцы. Он со звонким, резким стуком упал прямо на его дешевый пластиковый поднос.

— Ты свободен после пар, Коростылёв, — произнесла я достаточно громко, чтобы слышали все, но добавила в саму вибрацию голоса едва уловимую хриплую нотку, понятную лишь нам двоим. — У нас первая тренировка. Не вздумай опоздать.

За моей спиной потрясенно ахнула толпа. Отдать Жетон Щитоносца мусору с F-рангом? Сделать простолюдина неприкасаемым? Это был открытый, публичный вызов всему их мироустройству.

Но Илья даже не моргнул. Взглянув на гербовый жетон, он перевел темный взгляд на мои губы, и уголок его рта едва заметно дрогнул в усмешке.

— Как прикажете, Ваша светлость, — его баритон прозвучал покорно для толпы, но в самой глубине глаз откровенно плясали голодные искры пламени. Он подхватил жетон пальцами, на которых сквозь тугие повязки всё еще проступала свежая сукровица. — Буду минута в минуту.

Развернувшись, я пошла прочь. Публичный пакт был заключен. Наша шахматная партия началась.

Илья Коростылёв

Я смотрел ей вслед, откровенно любуясь тем, как соблазнительно покачиваются ее бедра при каждом шаге. Эту сцену перед высокомерными аристократами она разыграла как по нотам, без единого грамма фальши. Чистый, ледяной апломб, под которым скрывалась жестокая и расчетливая хищница, изученная мной лучше, чем кем-либо в этом насквозь прогнившем мире.

Вокруг угрожающе гудела столовая. Спинай я буквально чувствовал прожигающие, ненавидящие взгляды элиты. Все эти надменные ублюдки думали, что я просто вытащил счастливый лотерейный билет и стал ручной, бесправной собачкой Ледяной княжны. Пусть думают. Недооценка противника — их самая страшная, фатальная ошибка, за которую они скоро заплатят.

Я опустил глаза. В интерфейсе перед мысленным взором переливалось багровым и фиолетовым светом системное уведомление:

«Внимание! Социальный статус обновлен. Получен титул: Щитonosец Великого Дома Вяземских. Дипломатический иммунитет активирован.

Скрытая директива: Подготовка к Имперскому Турниру начата».

Спокойно доев свой обед, я поднялся из-за стола. Правая рука снова болезненно дернулась, живо напоминая о необходимости форсировать восстановление. Вечером мне предстояла первая официальная тренировка с моей «госпожой», и я точно знал, что скучной отработкой стандартных заклинаний дело явно не ограничится. Мы будем снова рвать мои энергоканалы её абсолютным льдом, вплавлять наши ауры в единое целое, и делать это так же страстно, грязно и бескомпромиссно, как и прошлой ночью.

Потому что для того, чтобы нагнуть и покорить этот мир, нам потребуется безупречная, абсолютная сила. А она рождается только в боли, крови и пламени.

Глава 8. Теневые сделки и право сильного

София Вяземская

Тяжелые дубовые двери кабинета Патриарха захлопнулись за моей спиной с глухим, почти могильным стуком. Звукоизолирующие руны, густо вплетенные в косяк, сработали мгновенно, отрезав нас от остального особняка и погрузив помещение в плотную, тяжелую тишину.

Кабинет отца с самого моего детства ассоциировался у меня с роскошным склепом. Высоченные стеллажи, заставленные древними фолиантами, удушливый запах крепкого табака, обилие темного дерева и давящая, осязаемая аура человека, привыкшего повелевать жизнями. Воздух здесь всегда был выморожен настолько, что при каждом выдохе с губ срывалось облачко белого пара.

Патриарх клана Вяземских стоял спиной ко мне, заложив руки за спину, и немигающим взглядом смотрел в панорамное окно на заснеженный сад. Его молчание длилось ровно минуту. Я не шевелилась, выдерживая эту пытку тишиной с идеально прямой осанкой. Но теперь всё было иначе. Глубоко внутри меня, под привычной коркой моего собственного родового льда, жарко и ровно пульсировало чужое пламя. Эта дикая, первобытная энергия согревала меня изнутри, давая силы стоять с гордо поднятой головой там, где раньше я бы уже начала задыхаться от чудовищного давления отцовской ауры. Никто в этом доме даже не догадывался, что меня больше не убивает мой собственный дар. Для них я всё еще оставалась обреченной смертницей.

Внезапно температура в кабинете рухнула еще на десяток градусов. Массивный стол из мореного дуба мгновенно покрылся колючей коркой инея, а стекло в окне протяжно, жалобно хрустнуло.

— Ты решила публично втоптать имя нашего Дома в грязь, София? — голос отца прозвучал негромко, но от этой обманчивой мягкости по спине обычно бежали мурашки. Он медленно обернулся. Его прозрачные, выцветшие глаза горели контролируемым бешенством. — Сделать простолюдина, жалкий мусор с F-рангом своим Щитоносцем? Притащить этот генетический брак в элиту Империи и дать ему нашу родовую защиту?

— Добрый вечер, отец, — ровно произнесла я, полностью игнорируя его гнев.

— Я жду объяснений! — он резко ударил кулаком по столу. Ледяная корка с треском разлетелась на тысячи сверкающих осколков, осыпавшихся на ковер. Аура архимага обрушилась на меня бетонной плитой, пытаясь придавить к полу. — Твои братья уже доложили мне о твоём дешевом спектакле в столовой. Совет Клана в бешенстве. Юсуповы час назад отзывали свое предложение о браке, сочтя твой поступок личным оскорблением. Ты хоть понимаешь, что натворила?!

Я позволила себе легкую, чуть снисходительную улыбку. Ровно такую, чтобы это выглядело не как истерика заигравшегося подростка, а как холодная уверенность стратега, заглянувшего в чужие карты.

— Я избавила нас от союза с Юсуповыми, который принес бы Дому только убытки, отец. Их северные рудники почти пусты, а старший сын — скрытый садист с прогрессирующим выгоранием маны. Вы бы продали меня за бесценок, получив взамен лишь проблемы. Но суть даже не в этом.

Я сделала несколько неспешных шагов к его промерзшему столу. В памяти непрошеным образом мелькнули тяжелые, властные руки Коростылёва, жестко сминающие мою плоть и оставляющие темнеющие синяки на бедрах. От одной только мимолетной мысли о его горячем дыхании на моей шее внизу живота сладко и болезненно потянуло. Я усилием воли подавила этот спазм чистого вожделения, переплавив его в привычную расчетливую холодность.

— Дело в фамилии этого «мусора», отец. Коростылёв.

Патриарх чуть прищурился. Давление его ауры слегка ослабло, уступая место холодному любопытству.

— И что с того? Этот род давно мертв. Вырезан Инквизицией под корень по прямому приказу Императора. Этот мальчишка — просто пыль под сапогами, досадная случайность, чудом уцелевшая в трущобах. У него за душой ничего нет.

— Вы мыслите категориями прямого столкновения, отец, упуская из виду юридические тонкости, — мой голос стал тихим, почти вкрадчивым. — Да, род вырезан. Но Император никогда официально не отменял их древних вассальных прав и не вычеркивал из реестров. Мальчишка жив. И пока его сердце бьется, формальные права на пепелище их огромной усадьбы и прибыльные промышленные патенты всё еще принадлежат ему. Если наши люди или наемники просто прирежут его в темном переулке, Имперский Суд может инициировать расследование по закону о защите древней крови. Вам нужны ищейки Императора, рыскающие в нашем секторе? Сомневаюсь.

Отец замер, внимательно вслушиваясь в каждое слово. Его глаза хищно сузились.

— Продолжай.

— Я бросила ему Жетон Щитоносца не из девичьего милосердия и уж точно не для того, чтобы защищать, — я позволила своему голосу заледенеть, надевая маску абсолютной, бесчеловечной жестокости. — Я привязала его к себе исключительно ради выгоды. На Имперском Турнире он выйдет со мной на Арёну как обычное пушечное мясо. Вы прекрасно знаете правила: Щитоносец обязан принимать на себя все физические и магические атаки противников, заслоняя сюзерена своим телом.

Я оперлась двумя руками о край его стола, игнорируя обжигающий холод дерева, и посмотрела отцу прямо в глаза. Я не собиралась раскрывать ему тайну нашего с Ильей Резонанса. Пусть считает Коростылёва просто удобным, одноразовым куском мяса, который я выброшу за ненадобностью.

— Он — жалкий F-ранг, — с презрением выплюнула я. — В первом же групповом бою против серьезного Дома в нас полетят заклинания высшего порядка. И я просто сделаю вид, что не успела выставить ледяной барьер над своим Щитоносцем. Одно прямое попадание вражеского боевого мага — и от мальчишки останется только обугленное пятно на песке. Он сдохнет в агонии, выполняя свой долг. И это будет абсолютно легально. Трагический несчастный случай на Турнире. Славная смерть для простолюдина. А когда последний Коростылёв прекратит свое существование, все их оставшиеся патенты и огромные земли в промышленной зоне автоматически отойдут нашему Дому. Как законная компенсация сюзерену за потерю вассала на официальных соревнованиях.

В кабинете повисла долгая, давящая тишина. Только мерно и тихо потрескивали затейливые морозные узоры на оконном стекле.

Я видела, как в глазах Патриарха гнев медленно отступает, сменяясь прохладным, оценивающим уважением. Он всегда ставил циничный расчет выше чести или семейных уз. Долгие годы он видел во мне лишь сломанную, дефектную куклу, но сейчас перед ним стояла настоящая, жестокая хищница. И этот безжалостный образ пришелся ему по вкусу.

Владимир Вяземский медленно опустился в свое массивное кожаное кресло и вальяжно откинулся на спинку. Губы Патриарха дрогнули в слабой, по-настоящему пугающей улыбке.

— Использовать мальчишку как живую мишень, чтобы чужими руками избавиться от неудобного наследника, а потом превратить его смерть в легальный захват земель... — он медленно, одобрительно кивнул. — Я сильно недооценивал твою изворотливость, София. Это предельно жестоко. И весьма выгодно.

— Я Вяземская, отец. Я забираю то, что может принести пользу, и скармливаю падальщикам то, что путается под ногами.

— Хорошо, — Патриарх сложил руки домиком, и подавляющая морозная аура в кабинете окончательно рассеялась. — Я заставлю Совет Клана закрыть рты и лично улажу все возникшие трения с Юсуповыми. Играй в свою игру, София. Но помни: если мальчишка каким-то чудом выживет или ты опозоришь нас на Арене своей слабостью, я лично сотру вас обоих в пыль.

— Не сомневайтесь во мне, отец. Коростылёв обречен.

Я плавно развернулась и пошла к дверям, до самого конца сохраняя идеальную, гордую выправку. И лишь когда тяжелые створки закрылись за мной, отсекая пронизывающий взгляд Патриарха, я позволила себе сделать глубокий, судорожный выдох. Сердце бешено колотилось о ребра, а по венам разливался горячий, густой адреналин.

Я только что продала отцу идеальную ложь. Убедила его в скорой смерти Ильи, выиграв нам драгоценное время для подготовки и тренировок. Они все будут с упоением ждать, что Коростылёв сломается на Арене от первого же удара, став моей кровавой жертвой. Но они даже не представляют, что на песок выйдет не хрупкий мусор с ничтожным рангом, а чудовище, способное переварить любую магию.

Я провела кончиками пальцев по шее, где под плотной тканью глухого воротника скрывался свежий, болезненный укус, и хищно улыбнулась. Ждать вечерней встречи с ним становилось всё невыносимее. Мое тело уже предвкушало ту жестокую, очищающую боль, которая непременно будет сопровождать каждое наше слияние.

Илья Коростылёв

Восстановление разрушенной родовой усадьбы требовало не только золота, но и грамотного распределения ресурсов. Пока старик Архип в глубокой тайне от властей нанимал в трущобах дешевые бригады бесталанных рабочих, чтобы те хоть как-то расчистили завалы, укрепили провалившуюся крышу и несущие стены, я искал кое-что поважнее кирпичей и раствора.

Крепкие стены — это лишь иллюзия безопасности. Мне была нужна прислуга. Не боевой маг, не преданный до гроба рыцарь с кодексом чести и уж тем более не гордая аристократка с амбициями. Мне была нужна простая, исполнительная и бесправная девчонка. Та, что сможет возиться со скучными бумагами, вести учет расходам, подделывать мелкие печати и бегать с поручениями, не задавая лишних вопросов. Та, чья воля уже надломлена суровой реальностью, кого можно легко привязать к себе звонкой монетой и страхом.

И Императорская Академия была идеальным местом для поиска подобного материала. Если, конечно, знать, куда смотреть.

Я свернул в полутемный коридор, ведущий к старому архиву финансового права. Во время больших перерывов золотая молодежь предпочитала блистать в просторных залах и светлых столовых, оставляя пыльные, пропахшие старой бумагой библиотеки для изгоев, которым больше некуда было пойти.

Я остановился в густой тени стеллажей. За дальним дубовым столом, низко склонившись над кипой потрепанных сводов законов, сидела Анна Оболенская. Двоюродная сестра той самой заикающейся Варвары, которая опозорилась на Церемонии Пробуждения. Но в отличие от Варвары, Анну официально лишили наследства и изгнали из клана на задворки жизни из-за долгов ее родителей. Едва живая, изможденная, в потертой, застиранной академической форме, на воротнике которой едва угадывался грубо срезанный родовой герб.

Девчонка из побочной ветви некогда богатого рода, лишенная наследства и вышвырнутая семьей на обочину жизни за чужие долги. Едва живая, изможденная, в потертой, застиранной академической форме, на воротнике которой едва угадывался грубо срезанный родовой герб. В Академии она числилась только благодаря жалкой стипендии для неимущих, которой едва хватало на еду.

У Анны был ничтожный дар — D-ранг Металла. В реальном бою она была абсолютно бесполезна, не способна даже погнуть медную монету или заточить нож. Но у ее родовой predispositionности была одна специфическая черта, из-за которой я и обратил на нее внимание.

Оболенские поколениями служили казначеями и аудиторами. Анна обладала идеальным, интуитивным чутьем на сплавы. Она могла одним касанием пальцев определить чистоту золота, безошибочно распознать фальшивую сургучную печать или выявить подделку в многослойных банковских векселях. Для суровой Инквизиции или заносчивого боевого факультета она была мусором. Для меня — идеальным бухгалтером и послушным счетоводом.

Пока я молча наблюдал за ней, мимо стола Анны прошли три девицы из кланов С-ранга. Одна из них, громко смеясь над какой-то шуткой, как бы совершенно случайно задела плечом тяжелую чернильницу. Темная, густая жидкость щедро плеснула прямо на открытые, исписанные мелким почерком конспекты Оболенской.

— Ой, прости, нищенка. Совершенно не заметила, — фальшиво протянула аристократка, и троица удалилась, звонко цокая каблуками. Анна осталась сидеть на месте. Она судорожно, глотая злые слезы бессилия, начала промакивать испорченные страницы рукавом своей и без того старой куртки.

Она не стала кричать им вслед. Не попыталась применить свою слабенькую магию. Она просто проглотила очередную обиду, потому что прекрасно знала: за нее некому вступиться. Идеальный, сломленный материал.

Я неслышно вышел из тени и приблизился к ее столу. Вытащив из кармана чистый тканевый платок, я молча положил его прямо поверх залитой чернилами страницы.

Анна вздрогнула всем телом и резко подняла голову. Ее темные, невыносимо уставшие глаза недоверчиво скользнули по моему лицу, затем опустились на серую нашивку «F» на моей груди.

— Коростылёв? — ее голос прозвучал хрипло и тихо. Она нервно оглянулась по сторонам, словно ожидая подвоха или очередной злой шутки. — Что тебе нужно? Если пришел поиздеваться, то опоздал. У меня нет времени на игры с мусором. Я слышала, княжна Вяземская забрала тебя как свою новую игрушку. Иди, виляя хвостом перед ней.

Она попыталась вложить в эти резкие слова остатки своего аристократического презрения, но вышло жалко и неубедительно. У нее отчаянно дрожали губы, а под глазами залегли глубокие, темные тени от хронического недосыпа и банального голода.

— Ты не сдашь этот экзамен, Анна, — ровно произнес я, по-хозяйски присаживаясь на край ее стола и слегка нависая над ней. — И стипендию в следующем месяце тебе не продлят. Я знаю о твоих долгах за общежитие. К концу недели куратор просто вышвырнет тебя на мороз. А без покровительства Клана таких, как ты, в столице ждет только грязный бордель в промышленной зоне. И ты это знаешь.

Она резко побледнела. Тонкие пальцы до побеления костяшек вцепились в край деревянного стола.

— Откуда... откуда ты знаешь? Убирайся. Это не твое дело. Я Оболенская, я найду выход!

— Ты давно уже не Оболенская. Ты просто голодная девчонка, которой совершенно некуда идти, — я чуть склонился к ней, понизив голос. — Но у меня для тебя есть работа.

Анна нервно сглотнула, не в силах отвести от меня загнанный взгляд. Мое ровное, непоколебимое спокойствие явно пугало ее больше, чем открытая агрессия тех девиц.

— Работа? У тебя? — она горько, надломленно усмехнулась. — Ты же сам ходячий труп. Вяземские наиграются и пустят тебя в расход при первой возможности. Что ты можешь мне предложить? Грязь месить в твоей разрушенной усадьбе?

— Крышу над головой. Абсолютную безопасность от кредиторов. И чистое золото в качестве жалованья, — я достал из кармана тяжелый имперьял старой чеканки и с негромким стуком положил перед ней на стол.

Ее взгляд словно магнитом прикипел к сверкающему металлу. Родовой дар мгновенно отозвался, подсказав ей, что монета подлинная, высшей пробы, без единого изъяна.

— Что я должна делать? — полушепотом спросила она, и в этом надломленном шепоте уже отчетливо слышалась покорность.

— То, что у тебя получается лучше всего. Возиться с документами. Вести строгий учет моих расходов. Считать монеты, проверять подлинность чужих печатей и быстро выполнять мои поручения. Ты будешь моей служанкой, Анна. Обычной, бесправной прислугой. Будешь жить в моей усадьбе и делать всё, что я прикажу. Без лишних вопросов и без остатков своей смешной, никому не нужной гордости.

Она попыталась вскинуть подбородок, попыталась найти в себе хотя бы каплю сил отказать от такого унижительного предложения. Быть служанкой у бесстатусного парня с F-рангом? Для бывшей аристократки это считалось самым настоящим дном. Но я не собирался давать ей шанс на долгие сомнения и рефлексии.

Я чуть подался вперед, властно вторгаясь в ее личное пространство. Внутренним усилием воли я позволил крошечной, микроскопической капле моей сплетенной с Софией ауры просочиться наружу. Буквально на короткую секунду. Ледяной, мертвенный холод, смешанный с первобытным, давящим пламенем, невидимыми тисками сомкнулся на ее горле.

Это не было настоящим боевым давлением, способным нанести вред. Это была лишь легкая, точечная манипуляция, аккуратный психологический укол. Но для слабой, истощенной девочки D-ранга этот короткий, хлесткий всплеск чудовищной, невозможной для моего статуса мощи стал настоящим шоком.

Анна судорожно, со свистом втянула воздух. Ее глаза широко распахнулись, наполнившись чистым, иррациональным трепетом перед силой, которую она даже не могла осознать. Она вжалась спиной в жесткую спинку стула, мелко и жалко дрожа. Я не повышал голос и не угрожал ей физической расправой. Я просто смотрел на нее сверху вниз тяжелым взглядом, давая предельно ясно понять, что в пищевой цепи этого мира она находится бесконечно далеко от меня.

И мне, черт возьми, нравилась эта власть. Нравилось видеть, как окончательно ломается ее внутреннее сопротивление, уступая место безоговорочной капитуляции. В отличие от того дикого, яростного безумия и борьбы за доминирование, которое происходило между мной и Софией, здесь было лишь тихое, методичное и абсолютное подчинение слабой особи.

— Так что скажешь, Анна? — мой голос прозвучал мягко, почти заботливо, но от этой обманчивой мягкости она вздрогнула еще сильнее. — Пойдешь замерзать на улицу, или примешь мое щедрое предложение?

Она медленно опустила влажные глаза на золотую монету. Дрожащей, бледной рукой накрыла ее и крепко сжала в кулаке. Остатки ее искусственной гордости окончательно рассыпались в пыль. Перед ней сидел хищник, и она это предельно четко поняла.

— Я... я согласна, — еле слышно выдохнула она, признавая поражение. По ее впалой щеке скользнула одинокая слеза отчаяния, которую она тут же торопливо смахнула. — Что мне делать, господин?

— Собери свои скудные вещи. Завтра рано утром придешь в мою усадьбу. Старик Архип покажет тебе твою комнату в крыле для прислуги и выдаст первые бумаги для работы. И запомни одно, Анна: преданность я оплачиваю очень щедро. А за обман наказываю так, что смерть покажется избавлением.

Я плавно выпрямился, убирая невидимое давление ауры. Анна жадно вдохнула полной грудью, словно только что вынырнув из-под темной воды. Она больше не смела смотреть мне в глаза, покорно и низко склонив голову.

Я развернулся и неспешно, прогулочным шагом покинул пыльный архив. Правая рука снова тупо заныла, настойчиво напоминая о порванных ночью капиллярах.

Начало было положено. Базовый актив приобретен. Теперь оставалось только пережить грядущую ночную тренировку с Ледяной княжной, которая, несомненно, снова выжмет из

моего изломанного тела все соки. И я поймал себя на странной мысли, что жду этой боли с пугающим, первобытным нетерпением.

Глава 9. Точка кипения и фактор внешнего вмешательства

Илья Коростылёв

Боль давно стала привычкой. Она въелась глубоко под кожу, пропитала мышцы и дергала за обнаженные нервы, не давая ни на секунду забыть о слабости моего нынешнего тела. Скинув насквозь мокрую от холодного пота рубашку на камень, я стоял в самом центре расчищенного подвала. Парочка старых эфирных ламп, которые старик Архип каким-то чудом вернул к жизни, едва разгоняла подвальный мрак. Ломаные, дрожащие тени на древних сводах делали хранилище похожим на настоящую пыточную — чем оно, по сути, сейчас и являлось. До скрипа в челюстях я методично, раз за разом, проталкивал тонкие струйки маны по своим узким, сопротивляющимся каналам.

Пытался хоть немного их растянуть, придать эластичности перед тем неминуемым давлением, которое обрушится на меня с приходом Софии. Каждое такое усилие отдавалось в груди и руках обжигающей, огненной резью. Вздувшиеся вены потемнели, проступая на бледной коже болезненным, пульсирующим рельефом. Вчерашние глубокие царапины на спине от ногтей Ледяной княжны вспыхивали саднящим жаром при малейшем движении лопаток. Я тяжело навалился на каменный аналой, со свистом втягивая в горящие легкие сырой воздух. Тело колотила крупная дрожь истощения, но разум оставался кристально чистым и по-звериному злым. Я предельно четко понимал, ради чего всё это терплю. Халявная власть мгновенно утекает сквозь пальцы при первой же серьезной проблеме. Сила, которую я хотел забрать себе, требовала жестокой перековки. Врожденную слабость нужно было выжечь каленым железом. Внезапно легкий сквозняк мазнул по влажной спине — температура в подвале начала стремительно, неестественно падать. По натянутой, как струна, нити нашей эмпатической связи я уловил ее присутствие за секунду до того, как на винтовой лестнице раздались тихие шаги. Организм отреагировал мгновенно и абсолютно по-животному. Пламя источника внутри взревело, плеснув в кровь адреналин. Внизу живота тут же налилась тяжелая, горячая свинцовая тяжесть.

Измученное тело безошибочно отзывалось на свой идеальный раздражитель. София спустилась бесшумно. Строгий брючный костюм скрыт под приталенным шерстяным пальто, платиновые волосы стянуты в безупречный узел. Неприступная аристократка в декорациях трущоб. Вот только я видел, как тяжело вздымается ее грудь, и сквозь связь чувствовал заплотный ритм ее сердца. Она замерла в паре шагов. Прозрачные глаза скользнули по моему торсу, мазнули по синякам и поднялись к лицу. — Выглядишь отвратительно, Коростылёв, — тихо бросила она. За деланным равнодушием отчетливо фонила жажда. — Как кусок отбитого мяса. — Готовлюсь к визиту Ее светлости, — хрипло усмехнулся я, выпрямляясь и поворачиваясь к ней лицом. — Не хочу разочаровать тебя, когда ты начнешь вливать в меня свою родовую стужу. Ты же именно за этим пришла? Она медленно стянула с рук тонкие кожаные перчатки, небрежно бросив их на ближайший сундук. Затем расстегнула пуговицы пальто, позволив тяжелой ткани скользнуть с плеч прямо на грязный пол. Под ним оказалась белоснежная шелковая блузка, плотно облегающая фигуру.

— Я пришла забрать то, что принадлежит мне по нашему договору, — София сделала уверенный шаг вперед, решительно сокращая дистанцию. От нее пахло дорогими духами, морозной свежестью и тем едва уловимым, будоражащим запахом чистого женского возбуждения.

— Мой отец уверен, что ты сдохнешь на Арене, просто не выдержав откатной отдачи моего заклинания. Я пообещала ему красивую, абсолютно легальную смерть нищего с F-рангом.

— Как это заботливо с твоей стороны, — я не отступил ни на дюйм, позволяя ей подойти вплотную. — И что мы будем с этим делать?

— Мы будем ломать твои пределы, Илья. Прямо сейчас. Она обошлась без долгих предисловий. Ледяные, узкие ладони легли мне на грудь — точно туда, где тяжело колотилось сердце. От резкого контраста температур меня пробила крупная дрожь. Вздернув подбородок, София ударила по моим глазам тяжелым взглядом и без малейшего предупреждения открыла заслонки своего А-рангового источника. Удар оказался поистине сокрушительным. Абсолютный ноль ворвался в мою энергоструктуру, как сорвавшаяся с цепи лавина. Концентрированная ледяная магия с силой ударила по каналам, безжалостно разрывая стенки и буквально вымораживая кровь в жилах.

Боль мгновенно затопила всё, мир перед глазами выцвел до звенящей белизны. Из горла вырвался сдавленный глухой рык, больше похожий на предсмертный хрип. Колени предательски дрогнули и подогнулись, но София намертво вцепилась в мои плечи, силой удерживая на месте. Ее острые ногти до крови вонзились в мою кожу.

— Держи, Коростылёв! — злобно оскалившись, хищно прошипела она мне прямо в лицо. Ее расширенные зрачки затопили почти всю радужку. — Принимай всё! Заставь свой гребанный огонь работать! Я задыхался. Лед намертво сковывал легкие, грозя искрошить нутро на мелкие осколки. Но на самом краю, когда измученное сознание уже молило об отключке, безотказно сработал инстинкт выживания. Багровый Резонанс, затаившийся на самом дне моего истерзанного источника, с ревом ударил навстречу льду. Темное пламя не стало отторгать чужую силу Вяземской — оно начало агрессивно ее поглощать, перемалывая мертвую стужу в пульсирующую фиолетовую мощь. Боль никуда не исчезла, она просто сменила вектор. Теперь жесткий разрыв каналов сопровождался диким, опьяняющим приливом силы. Я физически ощущал, как стремительно растет моя пропускная способность, снося в щепки те природные потолки, о которых низшие ранги даже не смели подозревать. Вместе с этой обжигающей мощью накатила и чистая, животная похоть. Смешение двух полярных стихий било по мозгам жестче любого химического стимулятора.

Это было жгучее, разъедающее ощущение абсолютной власти и такого же безоговорочного подчинения, стирающее к чертям все социальные условности. Глухо рыкнув, я перехватил тонкие запястья Софии, силой оторвал ее руки от своей груди и резким, безжалостным рывком впечатал спиной в стеллаж. Старые дубовые доски угрожающе затрещали под ее весом, сверху на нас посыпалась вековая труха. Она даже не попыталась вырваться или дрогнуть. Ее губы лишь изогнулись в откровенно жадной, провоцирующей усмешке.

— Мало, — горячо выдохнула она прямо мне в губы. Ее упругая грудь под тонким шелком часто вздымалась, дразняще мазнув по моей разгоряченной коже. — Ты можешь гораздо больше.

— Я могу всё, — прохрипел я, маниакально глядя на ее рот. Мои широкие ладони хозяйски скользнули по ее талии, безжалостно скомкали ткань блузки и жестко сжали бедра, приподнимая и заставляя вжаться в меня еще плотнее. Я кожей чувствовал ее крупную дрожь, ощущал, как пульсирующий жар пробивается сквозь плотную ткань брюк, наглухо перекрывая ее ледяной фон. Подавшись вперед, я грубо, по-животному впился в ее губы, отбросив любые жалкие намеки на нежность. Наш поцелуй больше походил на отчаянную драку. Мы больно столкнулись зубами, я с применением силы смял ее сопротивление. София ответила мне такой же остервенелой, дикой яростью. Ее пальцы мертвой хваткой вцепились в мои волосы, с силой оттянули их назад, чтобы добраться до напряженной шеи и до крови прокусить кожу.

Острая вспышка боли лишь щедро плеснула масла в наш полыхающий огонь. Сорвавшись на рык, я ухватился за ворот ее шелковой блузки и дернул на себя. Дорогая ткань с треском разошлась по шву, пуговицы со звонким стуком брызнули на каменный пол, обнажая черное кружево дорогого белья.

— Илья... — голос гордой княжны сорвался на откровенный стон, когда я жестко и властно накрыл ее грудь ладонью. Она податливо выгнулась, еще теснее прижимаясь к моему телу. Ее нестабильная магия теперь ровно пульсировала в едином ритме с моим сбитым дыханием. Воздух в подвале стал невыносимо вязким от запахов пота, дорогих духов и той агрессивной, животной мощи, что рвалась из нас наружу. Моя ладонь скользнула ниже, нетерпеливым рывком расстегивая тяжелую пряжку ее ремня. Мне до одури хотелось взять ее прямо здесь, грубо прижав к стеллажу, сорвать остатки мешающей ткани и снова с головой погрузиться в ту обжигающую тесноту, от мыслей о которой у меня плавилась крыша весь сегодняшний день. Она нетерпеливо потянулась к пуговице моих джинсов, ее пальцы заметно подрагивали от желания.

— Давай, — выдохнула она мне в самое ухо, чувствительно прикусив мочку. — Жестче...

Я уже собирался забросить ее на освобожденную полку, когда мир вокруг нас буквально разорвало на куски. Оглушительный, чудовищный взрыв сотряс землю прямо над нашими головами. Древние каменные своды протяжно гуднули, сверху густо посыпалась едкая пыль и увесистые куски старой кладки.

Ударная волна оказалась такой неистовой мощи, что стеклянные колбы эфирных ламп со звоном лопнули, и половина подвала тут же провалилась во мрак. Мы замерли как вкопанные. Слепая, оглушающая похоть, еще секунду назад туманившая мозги, мгновенно испарилась, начисто выжженная проснувшимися боевыми инстинктами. Резко отстранившись от тяжело дышавшей Софии, я машинально задвинул ее себе за спину. Огонь внутри, недавно требовавший лишь одного, в долю секунды свернулся в тугую пружину готовности убивать. Выхватив с пола свою изорванную рубашку, я в пару скупых движений намотал ее на левое предплечье, чтобы получить хоть какую-то защиту от вражеских лезвий. Наверху послышался глухой грохот падающей мебели и быстрые, профессионально слаженные шаги. А затем тишину разорвал короткий, захлебнувшийся вскрик старика Архипа и тяжелый, влажный стук упавшего тела. Этот звук сработал для меня как спусковой крючок. Архип был под моей личной защитой. Никто не имел права вламываться на мою территорию и трогать моих людей. Я до хруста сжал кулаки, пропуская в них ману, жаждущую крови.

София Вяземская

От накатившего, злого раздражения хотелось в голос взвыть. Всего секунду назад я буквально плавилась в его обжигающих руках, готовая на всё прямо на жестких досках стеллажа, упиваясь тем, как он грубо и властно ломает мои внутренние барьеры. И этот беспардонный взрыв всё испортил.

Но я была рождена Вяземской. Наследницей Великого Дома, где девочек с пеленок учили не бальным танцам, а безжалостному искусству выживания. Поэтому женское разочарование и остатки сладкого возбуждения мгновенно уступили место холодной, как вороненая сталь, боевой концентрации. Я одним неуловимым, тысячекратно отработанным движением запахла разорванную на груди шелковую блузку. Воздух вокруг меня тут же пошел плотной морозной рябью, и в правой руке с хищным хрустом соткалось длинное, бритвенно-острое копьё из абсолютно прозрачного, прочнейшего льда. Моя грудь всё еще тяжело вздымалась от прерванной страсти, но глаза уже превратились в два осколка стылого, мертвого стекла, выискивающих цель в пыльном подвальном мраке. Я бросила короткий, сканирующий импульс своей маны наверх, прощупывая пространство сквозь каменный потолок.

— Направленный кумулятивный взрыв. Снесли парадные двери первого этажа и кусок несущей стены, — быстро, сухим тоном профессионала произнесла я, оценивая ущерб. —

Защитный контур усадьбы прорван с одной точки.— Инквизиция? — коротко бросил Илья, не отрывая взгляда от осыпающегося потолка.

— Нет, — я отрицательно качнула головой, анализируя структуру чужих агрессивных аур.

— У цепных псов Императора совершенно другой почерк. Они работают грубее, предпочитают брать числом и с воем сирен. Это профессиональные наемники-ликвидаторы. Четкое подавление аур, активные артефакты скрытности. От четырех до шести человек, работают слаженно. Илья злобно оскалился, обнажив зубы. Значит, кто-то решил не дожидаться официального Турнира. Юсуповы, взбешенные потерей богатых рудников? Или мои дорогие братья, решившие под шумок устранить неудобную, строптивую сестру и свалить всё на трущобный криминал? В этом гнилом мире совпадений не бывает. Кто бы это ни был, они заплатили очень большие деньги за наше устранение.

— Они ищут спуск в хранилище, — глухо произнес Коростылёв. В полумраке я видела, как воздух вокруг его сжатых кулаков искажается от нестерпимого жара.

— Если спустятся сюда, в узком пространстве на лестнице нас просто забросают площадной магией. Выбор невелик. Идем наверх. Ты мой Щитonosец, Коростылёв, — мой голос прозвенел ледяной, непререкаемой сталью. Я перехватила свое ледяное копье поудобнее. — Держи дистанцию, не лезь на рожон и прикрывай фланги. Мы на короткую секунду переглянулись. В его черных глазах не было ни капли страха перед элитными убийцами. Только кроважадное, дикое понимание того, что мы сейчас сделаем с теми, кто посмел нас прервать.

Наша совместная гибридная магия, раскачанная прерванным сексом, буквально пульсировала на грани критической массы, требуя выхода. Илья метнулся к винтовой лестнице первым. Его мышцы, еще совсем недавно сводимые судорогой от перегрузок, сейчас работали с пугающей животной легкостью — боевой адреналин и моя мана сделали свое дело. Мы выскочили в холл, щедро засыпанный бетонным крошечком и пылью. Сквозь серую, оседающую взвесь у выбитого дверного проема четко проступили пять силуэтов. Неприметная тактическая экипировка, скрытые безликими масками лица, ни единого герба или шеврона. В руках — матовые клинки и заряженные тусклым светом артефакты. Один из них, возвышающийся над остальными, стоял прямо над скорчившимся, окровавленным Архипом, уже заноса клинок для добивающего удара. — Отошел от него! — рывкнул Илья так, что со стен посыпалась уцелевшая штукатурка. Наемники отреагировали без единого лишнего звука или театральной позы злодеев. Командир бросил старика, мгновенно развернулся к нам и вскинул левую руку с зажатым артефактом. Раздалось пронзительное, режущее слух шипение, и в Коростылёва ударили три стремительно вращающихся серпа плотного Воздуха. Такая магия легко режет броневую сталь как картон. Я уже вскинула свободную руку для создания ледяного щита, но Илья даже не подумал уходить с линии атаки.

Шагнув вперед, он просто с силой выбросил кулак, выплескивая накопившееся пламя, густо пропитанное моим льдом. Воздух разорвало хлестким треском. Это был не обычный, стандартный огненный барьер, а плотная, искажающая само пространство фиолетовая стена. Воздушные лезвия наемника с разгону ударили в нее и... бесследно сгнули, словно провалившись в никуда. Не теряя времени, я змеей выскользнула из-за его надежной спины. По моему короткому, безмолвному приказу холл мгновенно вымерз, а пол под тяжелыми ботинками наемников затянуло идеальной гладью чистого льда. Трое ликвидаторов, рванувших к нам с флангов с обнаженными клинками, ожидаемо поскользнулись, потеряв драгоценные доли секунды на восстановление равновесия. Этого времени нам хватило с избытком. Вместо энергозатратных, сложных конструкторов я просто вскинула левую ладонь, выпуская веер хирургически тонких, длинных ледяных игл. Из-за тесной связки наших энергоканалов они приобрели пугающий фиолетовый оттенок: внутри каждого полупрозрачного острия теперь ярко пульсировала смертоносная капсула багрового огня. С тошнотворным, влажным звуком

иглы легко прошли тактическую броню двоих наемников, намертво впечатав их спинами в кирпичную кладку. Жестокая физика нашего гибрида сделала свое дело: лед вошел глубоко в плоть, а заключенный в нем огонь мгновенно расширился от резкого температурного шока.

Раздались два глухих, отвратительных хлопка, и из-под глухих масок брызнула кипящая, парящая на морозе кровь. Наемники рухнули мертвыми — их грудные клетки буквально разорвало изнутри. Оставшаяся тройка даже не дрогнула, подтверждая свой высокий, элитный профессионализм. Командир, моментально осознав, что привычная защита от магии здесь бесполезна, выхватил второй клинок и пошел на стремительное сближение. Тусклый металл его оружия характерно отблескивал смертоносной зеленью яда. Удар был молниеносным, нацеленным прямо в горло Ильи. Но Коростылёв не дернулся и не попытался увернуться. Он жестко подставил обмотанное плотной тканью предплечье. Лезвие пробило рубашку, глубоко рассекая кожу, но Илья даже не поморщился, стальной, нечеловеческой хваткой перехватив руку убийцы. Он не стал бить в ответ. Вместо этого он влил плотный поток сырой, неконтролируемой энергии прямо в кровеносную систему противника через физический контакт. Глаза командира выкатились от животного, первобытного ужаса. Шейные вены надулись синими буграми, кожа пошла страшными красными пятнами. Илья в прямом смысле слова вскипятил его кровь. Наемник забился в предсмертных конвульсиях, булькая порванными легкими, выронил ножи и стек на грязный пол безвольной, сломанной куклой. Двое уцелевших, мгновенно оценив масштаб потерь за первые секунды стычки, грамотно бросились к пролому.

Инструкция диктовала им любой ценой спасти жизни, раз уж цель оказалась не по зубам. — Никто не уйдет, — процедила я сквозь зубы, и холодное эхо заметалось по обшарпанным стенам. Резко сжав левый кулак, я заставила лед под ногами беглецов пойти змеиными трещинами и изогнуться смертоносными медвежьими капканами. Полупрозрачные ледяные челюсти захлопнулись, с тошнотворным хрустом переламывая их лодыжки. Наемники с размаху рухнули, сорвавшись на крик боли. Илья подошел к ним медленной, тяжелой и неотвратимой поступью. В его раскрытых ладонях уже угрожающе гудели два сгустка багрового пламени. Во взгляде, устремленном на стонущих убийц, не было ни грамма сомнений или человеческого милосердия. Жалость в нашей суровой реальности стоила слишком дорого. Два коротких, выверенных движения. Две яркие вспышки. Острый запах жженого мяса окончательно перебил вонь цементной пыли. Меньше чем за тридцать секунд всё было кончено. В разгроменном холле повисла звенящая тишина, сквозь которую пробивался лишь хриплый, надсадный кашель очнувшегося Архипа и шорох осыпающейся штукатурки. Коростылёв замер среди изувеченных тел, тяжело, с присвистом переводя дух. Кровавое пятно на его порезанном предплечье медленно расползлось по светлой ткани.

Боевой кураж стремительно спадал, обнажая зверскую, выматывающую усталость от запредельной перегрузки энергоканалов. Илья неторопливо обернулся ко мне. В его потемневших глазах я прочла всё без слов. Первобытное возбуждение, прерванное чужим взрывом, никуда не исчезло. Оно лишь щедро смешалось с терпким медным запахом крови, куражом и пьянящим чувством совместного убийства, превратившись во что-то бесконечно опасное, хищное и острое. Облизнув пересохшие губы, я физически не могла отвести взгляда от его тяжело вздымающейся груди. Наша партия окончательно перешла в совершенно иную плоскость. Больше никаких фиктивных договоров и формальных жетонов. Мы стали единой, смертоносной стаей, только что разорвавшей чужаков на своей земле. Кто бы ни стоял за этими наемниками — он совершил главную ошибку в своей жалкой жизни, позволив нам распробовать на вкус наш гибрид в реальном бою.

От автора:

Мы подошли к важному рубежу. Писательство требует огромной самоотдачи, времени и сил, поэтому со следующей главы на книгу открывается платная подписка. Ваша финансовая

поддержка — это то, что позволяет мне не сбавлять темп и регулярно радовать вас новыми, качественными главами. Спасибо всем, кто решит пойти дальше со мной. А тем, кто пока не готов — спасибо за то, что были рядом эту часть пути!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.